

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. П. Кутыков

ОНЕГИН
с берегов ОНЕГО-ОЗЕРА:
литературно-краеведческое
исследование

Научное электронное издание

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2014

УДК 908(092)(470.22-25)-051
ББК 6.3.3(2)5.2.1.84(2Рос=Рус)

К 95

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Научный редактор

И. А. Чернякова,
канд. истор. наук,

ведущий научный сотрудник ИСЭИ ПетрГУ,
доцент Российской истории в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

Рецензенты:

Е. И. Маркова, д-р филол. наук,
заведующая Сектором литературы и фольклора
Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН;

Е. В. Шемелева, учитель высшей категории
школы № 17 г. Петрозаводска

Кузьков, Николай Петрович

К 95 Онегин с берегов Онего-озера: литературно-краеведческое исследование. / Н. П. Кузьков ; науч. ред. И. А. Чернякова. — Электрон. текст. дан. (35 Мб). — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2014. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см. — Систем. требования: PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Windows, MAC OSX ; 256 Мб ; видеосистема: разрешение экрана 800 x 600 и выше ; графический ускоритель (опционально) ; мышь или аналогичное устройство. — Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-8021-2096-5

Предлагаемое издание представляет собой литературно-краеведческое исследование некоторых аспектов творчества А. С. Пушкина. Автором принята попытка соотнести судьбу пушкинского приятеля А. Полторацкого, прошедшего детство и юность в Петрозаводске, и главного героя великого пушкинского романа в стихах. Поэтому жанр книги можно определить как литературное краеведение. Одна из главных задач исследования — привлечь внимание к мемориальным памятникам Державинско-Пушкинской эпохи, сохранившимся в Петрозаводске с конца XVIII в. Издание рассчитано на широкий круг читателей – представителей туристского бизнеса, музейных работников, школьников, студентов, учителей средней школы, а также всех, кто интересуется историей своего края и литературой.

УДК 908(092)(470.22-25)-051

ББК 6.3.3(2)5.2.1.84(2Рос=Рус)

© Кузьков Н. П., 2014

© Петрозаводский государственный
университет, 2014

ISBN 978-5-8021-2096-5

главление

Предисловие научного редактора	4—7
Введение	8—21
Род Полторацких	22—57
Иконография: Онегин и другие	58—71
«Державинский след» в создании повести «Гробовщик»	72—93
Мемуары о Пушкине и Петрозаводск начала XIX в.	94—102
Список использованных источников и литературы	103—106

Предисловие

Великие произведения литературы нередко пробуждают в читателе неистребимый интерес к личностям героев, если они реально существовали, и к поиску прототипов, если подлинные события и лица сокрыты автором в перипетиях сюжета. Известно, что писатели нередко черпают вдохновение и характеры из собственной или окружающей жизни, комбинируя и трансформируя их в едином литературном пространстве. Естественно, авторы произведений хранят тайны своего творчества: во-первых, для поддержания интереса читателя, а во-вторых для охранения прототипов и их родных от чрезмерного любопытства.

Иногда творческая мастерская писателя раскрывается после его смерти, когда публикуются дневники или записные книжки, становятся достоянием общественности переписка. Правда, некоторые творцы либо уничтожают рукописи, либо прячут их в тайниках и склепах.

Александр Сергеевич Пушкин, герой романа которого вызвал исследовательский интерес автора данной книги, ушел из жизни рано и трагически, оставив потомкам и исследователям колоссальный пласт первичных творческих материалов. Жизнь и судьба Пушкина находились под пристальным вниманием современников еще при

жизни поэта, а он сам, обладая даром художника-рисовальщика, оставил множество зарисовок и портретов на полях рукописей: иногда загадочных, иногда «зашифрованных», которые интригуют исследователей вот уже более полутора веков.

Не остался равнодушным к тайнам творчества великого поэта и автор этой книги Николай Петрович Кутьков, историк, журналист и краевед. Жизнь Петрозаводска и быт его обитателей в разных аспектах являются главной темой в многолетнем творчестве Николая Петровича.

Петрозаводск вырос из слободы при Петровских заводах, получившей указом Екатерины Великой в 1777 г. городской статус. Город обязан своим началом организации металлургического и оружейного производств в устье реки Лососинки в самом начале XVIII века, на неудобном для жизни и потому нелюдимом и необжитом берегу Шуйской губы озера Онего. Именно Лососинке с ее бурным течением, способным вращать тяжёлые сверлильные машины пушечного завода, и наличию естественного водохранилища — озера Лососинное, мы обязаны самим существованием нашего города. Ведь даже места, способного защитить суда и корабли от жестоких восточных и юго-восточных онежских штормов, здесь не было. Прибрежная зона Шуйской (ныне Петрозаводской) губы мелководна и камениста. Первым строителям заводов пришлось возводить искусственную гавань, выложив из ряжей, наполненных камнем, два встречных мола: один с юга на север, другой с запада на восток.

Первоначально построенная церковь, служившая еще и маяком, получила посвящение во имя святых Петра и Павла, а оружейный завод — по месту расположения — название Шуйский. Позже весь комплекс металлургического и оружейного производств стал называться Петровскими заводами, что связано с именем небесного покровителя тогдашнего государя Петра Великого.

Заводы планировались и возводились в обстановке великой секретности, поэтому, несмотря на их огромное значение для успеха в войне со Швецией, исследователям приходится довольствоваться лишь косвенными свидетельствами о начальном периоде их строительства. Впервые открытая информация появилась лишь

в январе 1704 г. в «Ведомостях». Сообщалось: «В Олонецком уезде, в Шуйском и в Толвонском [Толвуйском — прим. ред.] погостех, и в Шекшинской [Шокшинской — прим. ред.] волости найдена железная руда. И двои заводы заведены великие, и всяких запасов к железному делу надлежащих приготовлено многое число. А железо явилось изрядно в деле» [Ведомости. Москва : Печатный двор, 1704. 28 янв. С. 1].

Однако интрига данной книги относится к более поздней эпохе из жизни Петрозаводска, когда был построен и реконструирован новый — Александровский пушечный завод, а сам город получил статус губернского. Первым губернатором стал Гаврила Романович Державин. И уже новые поколения иностранных и отечественных специалистов горного и металлургического дела налаживали производство, чертили планы и продолжали строить город.

Целая плеяда замечательных людей: военных, рудознатцев и специалистов-профессионалов оставили заметный след в развитии Олонецкой Карелии и Петрозаводска. Однако масштаб деятельности этих людей был шире — поистине государственным, и памятники одним из них стоят в других городах (например, Виллиму де Геннину в Екатеринбурге, Карлу Гаскойну в Луганске), книги об иных, например, о Тимофее Ивановиче Тутолмине, написаны и изданы в других регионах [Шитиков А. Благородство в генеральском мундире. Тверь. 2008].

Ирония истории в том, что Г. Р. Державин, прослуживший губернатором весьма недолгий срок, благодаря своей поэтической славе стал главным историческим лицом города. Но в этой книге его присутствие вполне оправдано, поскольку он провидчески разглядел еще в первых стихах гений А. С. Пушкина и, как убедительно на наш взгляд доказывает автор, причастен к судьбе героя этой книги. Да и сам герой — Александр Александрович Полторацкий — был сыном «образованнейшей девицы из всей олонецкой публики» — дочери Карла Гаскойна Мери Гаскойн — и помощника начальника Олонецкого горного округа Александра Марковича Полторацкого.

Жанр книги определен как литературно-краеведческое исследование. Ее ценность на наш взгляд не только в глубоком проникновении автора в разгадывание истоков замысла великого произведения ве-

ликого поэта, но в том, что наглядно прослеживаются переплетения судеб вполне узнаваемых реальных людей и литературных героев в конкретно-исторических обстоятельствах. И как оказалось город Петрозаводск, стоящий на берегу озера Онего, имеет непосредственное к ним отношение.

Для справки: на всех картах и планах XVIII века, за исключением Атласа Российской империи 1745 года, озеро так и именуется — Онего (изредка Онега), что вполне уверенно коррелирует с фамилией знаменитого пушкинского героя Онегин, со школьной скамьи известной каждому из нас.

И. А. Чернякова

Введение

Имя А. С. Пушкина город Петрозаводск почитает даже больше, чем имя первого поэта своего времени и одновременно первого олонекского губернатора Гаврилы Державина. Улица Пушкинская в Петрозаводске существует уже более 110 лет, поскольку переименована из Старополцейской как раз к 100-летию со дня рождения поэта, в 1899 г. Например, памятник Пушкину город поставил даже раньше, чем известный монумент Державину в Губернаторском парке. Но традиция торжественно отмечать Пушкинский день 6 июня родилась сравнительно недавно, хотя в это уже веришь с трудом. Сама природа нашего края после продолжительных весенних размышлений — просыпаться или подождать? — вдруг щедро раскрывает к этому дню всю силу своего цветения. И салютует Пушкину рябиной, сиренью и яблонями, зацветающими как раз к этой дате.



Пушкин, как известно, никогда не бывал в Петрозаводске, никогда не посещал места к северу от Петербурга. Однако при жизни его окружали некоторые предметы, так или иначе связанные

*Памятник Пушкину
в Петрозаводске*



*Мебель из карельской березы в кабинете А. С. Пушкина.
Дом-музей на Мойке,12*

с Петрозаводском, с Карелией, с севером. В пушкинском доме на Мойке сохранился чугунный футляр-подчасник, отлитый на Александровском заводе, мебель из карельской березы, трость, в которую вправлен аметист из окрестностей о. Кижы. А на рабочем столе поэта можно прочесть черновик неопубликованного стихотворения о далеком северном острове, поросшем брусникой...

Конечно, в первую очередь нам интересны люди пушкинского круга. В нашем городе живет прямой потомок поэта. Это профессор Лидия Владимировна Савельева, праправнучка старшего сына Пушкина, Александра Александровича, генерал-майора русской армии, награжденного за храбрость золотым именным оружием...

В первой трети XIX века, которую принято называть пушкинским временем, в Петрозаводске жили люди, которых поэт хорошо знал. Некоторых, например, Федора Глинку, любил и высоко ценил его талант. С другими был знаком, но особо приятельских отношений не поддерживал, так как и они не очень-то стремились к тесному, дружескому общению. Но зато со временем эти непростые отношения вылились в одно из самых выдающихся событий отечественной литературы. В знаменитом романе в стихах «Евгений Онегин» можно легко обнаружить отзвуки жизни наших земляков.

Кто такой Онегин?

Современники не раз обращались к А. С. Пушкину с подобным вопросом. И действительно, редко какой литературный герой возбуждал такое всеобщее любопытство. А что о нем сообщил автор? Даже отчество Евгения нам неизвестно, не говоря уже, например, о ближайшей родне. Мы не знаем, где жили и были ли живы вообще родители этого баловня судьбы. Нам ничего не известно о родных сестрах и братьях главного героя романа (а ведь они должны быть, поскольку дворянские семьи, как правило, были многодетными!). Знаем только, что у него был «дядя самых честных правил». И что воспитывался Евгений в дворянской, вполне благополучной семье, имеющей возможность содержать иноземных гувернеров.



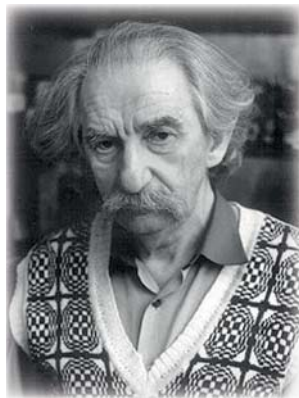
А. С. Пушкин: Автопортрет с Онегиным на набережной Невы (1824 г.)

Мы до сих пор не знаем даже причин выбора явно «северной» фамилии Евгения. Вопрос об истоках фамилии Онегин может показаться, на первый взгляд, праздным, поскольку считается, что он уже решен усилиями нескольких поколений отечественных и зарубежных пушкинистов. Авторитетнейший исследователь и блестящий комментатор «Евгения Онегина» Ю. М. Лотман убедительно проанализировал семантику имени Евгений (греч. «благородный»). Оно «воспринималось как значимое и было окружено ярко выраженным смысловым и эмоцио-

нальным ореолом... Имя, обозначающее отрицательный, сатирически изображенный персонаж, молодого дворянина, пользующегося привилегиями предков, но не имеющего их заслуг». Однако относительно мотивировки выбора фамилии главного героя пушкинского

произведения комментариев все-таки не выглядит таким исчерпывающим.

Сознательный отказ Пушкина от принципа значимости и ориентирование на чисто условную, литературную фамилию с «водным» корнем не был чем-то необычным. Условность фамилии Волгин у Бестужева-Марлинского была всем понятна, потому что в реальной жизни дворянские фамилии восходили, как правило, к названиям вотчинных владений. Поэтому гидроним масштаба Волги не мог иметь отношение к какому-либо частному владению.



*Юрий Михайлович Лотман
(фото Льва Зильбера)*

Традиция была продолжена М. Ю. Лермонтовым — его Печорин, казалось бы, окончательно закрепил и характер генезиса фамилии Онегин. Однако Ю. М. Лотман, видимо, справедливости ради, в сноске все-таки допускает возможность происхождения подобных фамилий и от гидронимов другого рода — озер. В какой-то мере это допущение можно считать оправданием моего намерения вступить в дискуссию с признанными авторитетами — пушкинистами.

Таким образом, целью данного исследования ставился не столько поиск реального прототипа, носителя формальных «онегинских» признаков, сколько обоснование возможности рождения «озерной» фамилии главного героя романа. По существу, всесторонняя проверка одного из вариантов, предложенного Ю. Лотманом. Причем прямое указание на кого-либо из так называемого пушкинского круга не предполагалось, потому что намек на некоторое реальное лицо не входил в художественный план автора «Евгения Онегина». Это убедительно доказано авторитетными исследователями творчества Пушкина, и с подобным выводом трудно не согласиться.

Гораздо интереснее и плодотворнее на этом конкретном примере хотя бы приблизиться к пониманию пушкинского творческого процесса, составляющего, может быть, главную тайну поэта. Проблема, таким образом, более всего тяготеет к области психологии творчества, хотя и выглядит лишь как доказательство того



*Чарлз Роберт Метьюрин (1782—1824).
Автор романа «Мельмот Скиталец»
(1820)*



*Джордж Гордон Байрон (1788—1824)
автор поэмы «Паломничество
Чайльд Гарольда» (1818)*

факта, что имеется связь фамилии Онегин с конкретным лицом — петербургским знакомым Пушкина периода 1817—1820 гг.

Итак, зададимся вопросом: почему все же именно в мае 1823 года в кишиневской глуши под пером поэта появилась странная, искусственная фамилия, несомненно связанная то ли с северным озером, то ли с архангельской рекой? «Виновницей» вслед за Лермонтовым многие считают реку Онегу. Но далеко не все. Были и другие версии возникновения фамилии, например, сугубо приземленная, бытовая трактовка, предложенная еще в 1922 году А. Россовым. Но его версия о якобы жившем в первой четверти прошлого века в городе Торжке портном по имени Евгений Онегин пушкиноведением давно отвергнута.

Споры вокруг фамилии не утихают до сих пор. Не так давно А. Тархов высказал довольно изящную гипотезу о французском ее происхождении, от слова *еппи* — сплин, хандра. Такое толкование должно было теснее увязать образ главного героя романа с демоническими фигурами Мельмота или Чайльда-Гарольда. Путь плодотворный, но построения А. Тархова конструктивно сложны, даже громоздки для такого, пожалуй, частного случая. Оставим пока в стороне подчас очень интересные исследования, касающиеся степени влияния на образ Онегина таких реальных лиц, как Чаадаев или братья Раевские...

Нельзя сказать, чтобы проблеме прототипа, с которой связан и выбор фамилии героя, серьезное пушкиноведение не уделяло должного внимания. Наоборот, было предпринято широкомасштабное исследование, очертившее «онегинский круг» из числа пушкинских знакомых. Поскольку время в романе, по выражению самого автора, «расчислено по календарю», легко было вычислить год рождения героя. Поэтому исследователи добросовестно рассматривали круг предполагаемых прототипов, начиная с 1794-го года рождения (напомним, что Онегин согласно «расчисленному календарю» романа родился в 1795) по 1798 год. Но проделанная огромная работа не принесла сколько-нибудь обнадеживающих результатов.

Поэтому в данном исследовании с самого начала была построена некая «координатная сетка» для максимально точного поиска.

Я исходил из следующих предпосылок: на выбор фамилии героя предположительно должен был повлиять определенный человек, с которым поэта сводила судьба в Петербурге примерно в 1818—1820 годах, т. е. в период, предшествовавший южной ссылке. Причем в данном случае вряд ли следует предполагать какую-то духовную близость. Скорее наоборот, взаимное отторжение, если не сказать жестче — антагонизм. Отношения с этим знакомым обязательно должны были надолго оставить болезненный след в памяти поэта. Иначе невозможно объяснить желчную интонацию первых строф романа, относящихся к характеристике номинально главного героя романа. Ясно, что это был человек не из литературной среды, скорее представитель «сухих» наук, вернее всего, бывший военный. Не зря же, например, последний стих строфы XXXVII первой главы заканчивается так: *Но разлюбил он наконец и брань, и саблю, и свинец*. То есть имеется явное указание на военное прошлое Евгения Онегина. Этот момент почти все пушкиноведы обходили молчанием или, подобно Владимиру Набокову, трактовали как досадный и явно лишний штрих в достаточно прозрачной биографии главного героя. Кроме этой строфы, Пушкин нигде более не обмолвился об Онегине как об отставном офицере. Устоявшееся мнение о нем как о сугубо статском человеке (подобно самому автору романа) литературоведы пытались отстоять разными способами.

Исследователь Олег Барский трактует слова о брани и сабле как метафору любви: *Сравнение любовных атрибутов с военными имеет давнее происхождение. Особенно известна элегия IX Овидия «Всякий влюбленный — солдат...»*. Сразу же можно возразить: трудно представить себе Онегина в качестве пылкого влюбленного. Для него более органична избалованность успехами у слабого пола, в крайнем случае, снисхождение к влюбленным в него. Поэтому подобный пассаж «любовь-служение» ему совершенно чужд. А свинец? Однако, по мнению исследователя, и этот военный металл в пушкинские времена имел отношение к любви, если... к таковой отнести способ лечения гонореи с помощью свинцового сахара. Но гораздо проще и логичнее все-таки предположить, что Онегин, подобно многим молодым дворянам начала XIX века, служил, пусть какой угодно краткий срок, в армии или гвардии.

Кроме того, в его характере должна присутствовать некая негативная черта, препятствующая тесному дружескому общению. Например, особенно непростительная: презрение к людям, высокомерный снобизм. Или хотя бы менее негативная: желчность, язвительность, сходная с той, которой обладал, например, пушкинский «спутник странный» по крымскому вояжу — Александр Раевский. Кроме того, его возраст должен приближаться к «онегинскому» (т. е. к 1795 г. р.), а в биографии должны присутствовать основные черты онегинской судьбы. В последней должны фигурировать и его успехи «в науке страсти нежной», явная приверженность к модному в ту пору байронизму, необремененность службой и достаточное для рассеянной столичной жизни положение в обществе. И наконец, этот человек должен каким-то образом быть связанным с Севером, с рекой Онегой или озером Онего.

Пожалуй, лишь один пушкинский знакомый петербургской поры имеет отношение к интересующему нас вопросу происхождения фамилии героя романа. Единственным, кто идеально подходит по всем вышеприведенным пунктам, оказался петербургский приятель А. С. Пушкина Александр Александрович Полторацкий (1792—1858).

Когда много лет назад я впервые поделился этими сведениями со своими знакомыми филологами, их реакция была примерно следующей: хочется, конечно, тебе верить, но версия уж слишком экс-

травагантна, а потому и сомнительна. Ну разве что ты нашел в пушкинских письмах друзьям или в его дневниковых записях упоминание имени А. Полторацкого в связи с предполагаемым романом.

Что тут можно возразить? Если бы такие записи существовали даже в зашифрованном виде, то несколькими поколениями пушкинистов они были бы многократно изучены вдоль и поперек и рано или поздно дешифрованы. Наивно было бы предполагать саму возможность таких подарков со стороны Александра Сергеевича. Да разве подобное возможно в принципе? Даже самый неопытный и безгранично откровенный автор поостережется раскрывать кому бы то ни было главные тайны своей творческой лаборатории.

Поэтому все доказательства справедливости моей гипотезы могут быть лишь косвенными. Кстати, косвенные доказательства принимаются даже в одной из самых важных сфер человеческой деятельности, от которой подчас зависит сама жизнь любого из нас, а также, что не менее важно, свобода и репутация. Я имею в виду юридическую практику. Знаменитый русский правовед А. Ф. Кони в своих записках приводит дело петербургского миллионера Овсянникова, обвинявшегося в организации поджога паровой мельницы своего конкурента. Никаких прямых улик против обвиняемого не было, и сам он был абсолютно уверен в своей неуязвимости. Но на суде прокурор отразил аргументы защиты, напиравшей на то, что обвинение строится на одних косвенных уликах, «на чертах и черточках».

Государственный обвинитель блестяще парировал доводы оппонентов: *Н-да! Черты и черточки!.. Но ведь из них складываются очертания, а из очертаний буквы, а из букв слоги, а из слогов возникает слово, и это слово: п о д ж о г!*

В результате, несмотря на поддержку высокопоставленных влиятельных лиц, миллионер был осужден, и «дело Овсянникова» в течение всего 1874 года было в центре внимания всей отечественной и европейской прессы.

Таким образом, и мы приступаем к изложению косвенных доказательств гипотетической причастности некоего петрозаволчанина, ставшего в 1807 году петербуржцем, к истории создания знаменитого романа в стихах.

А. А. Полторацкий
Художник П. Соколов.
1814 г.



Откуда у хлопца британская спесь?

Имя Александра Александровича Полторацкого достаточно хорошо известно пушкинистам. Его несколько раз упоминал Пушкин в письмах различным адресатам. Биография А. Полторацкого приведена в известном справочнике Л. Черейского. Правда, он не попал в «онегинский круг», так как родился немногим раньше Онегина — 7 августа 1792 года. Остался без должного внимания и такой факт из биографии Александра Полторацкого: детские и отроческие годы его прошли не на реке Онеге, а на берегу озера Онего, в маленьком городе Петрозаводске. Но по своему происхождению

он имеет гораздо больше общего с героями Мэтьюрина и Байрона, чем французское *эпни* с фамилией Онегин. Подобно Байрону, наш герой тоже был наполовину шотландцем. Его мать — младшая дочь родовитого и богатого подданного британской короны Чарльза (или, как он именовался в формулярных списках горного ведомства, Карла Карловича) Гаскойна. Он поступил на русскую службу в 1786 году, согласившись возглавить металлургическое и пушечнолитейное производство всего русского Северо-Запада. В сущности, по значимости своего высокого поста начальник Олонецкого горного округа Гаскойн стал вторым человеком на огромном пространстве от Петербурга до Грumanта и от комизырянского края до сопредельной Швеции. Его округ с центром в городе Петрозаводске был государством в государстве, со своей полицией и воинской командой, а власть — не ниже губернаторской.

Мэри Гаскойн, «образованнейшая девица из всей олонечкой публики», как о ней отзывались современники, стала женой архангельского чиновника Александра Марковича Полторацкого «благодаря» шведской войне.

А. Брокер, бывший в 1789 году переводчиком у Гаскойна (тот после трех лет пребывания в России еще плохо говорил по-русски), писал, что в это самое время живший в Петрозаводске генерал-губернатор Тимофей Тутолмин, в подчинении которого были две губернии — Олонецкая и Архангельская, получил из Петербурга приказ готовить волонтеров для ведения боевых действий против Швеции. Для участия в подготовке ширококомасштабной диверсионной операции с территории Олонецкого наместничества Тутолмин вызвал из Архангельска А. Полторацкого, 23-летнего обер-провиантмейстера. Его назначили в Провиантский штат для интендантского обеспечения сухопутной операции против шведов. Правда, она так и не потребовалась, так как со шведскими вооруженными силами прекрасно справился русский морской флот под командованием еще одного соотечественника Гаскойна шотландца Самуила Грейга.

Тем не менее Полторацкий почти год провел в Петрозаводске, где на частых балах в домах Тутолмина и Гаскойна познакомился



Генерал-губернатор Т. И. Тутолмин



Карл Гаскойн, 1790-е годы

с Марьей Карловной, как ее называли русские горные чиновники. И нет ничего удивительного, что молодой человек из довольно богатой петербургской семьи (после недолгой службы в армейском полку он подал в отставку и служил по статской части в г. Архангельске) попросил у Ч. Гаскойна руки его младшей дочери. Старшая, Анна, была к тому времени замужем за графом Хаддингтоном, а средняя, Элизабет, обвенчается в Петрозаводске зимой 1802 г. с полковником британской миссии Джорджем Полленом, с которым в 1807 г. навсегда покинет Россию. В Петрозаводске всех иностранных специалистов, которых привез с собой Гаскойн, называли англичанами, хотя многие из них, как, собственно, и сам Карл Карлович, были шотландцами.

В брак Александр Маркович Полторацкий и Мэри Гаскойн вступили в 1791 году, и через год у них родился первенец — сын Александр. А еще через год, в декабре 1793 года, Гаскойн перевел зятя из Архангельска в Петрозаводск и назначил своим помощником с чином оберпровиантмейстера (8-й класс по табели о рангах). Чете Полторацких было отведено одно из лучших зданий горного ведомства — дом № 5 по Английской улице, бывшей Нагорной линии (нынеш-



Памятная доска на месте,
где стоял дом Державина
(ныне пр. К.Маркса, г.
Петрозаводск

ний пр. К. Маркса). В нем за девять лет до того квартировал сам олонекский губернатор и знаменитый русский поэт Гаврила Романович Державин. Далее в отдельной главе мы остановимся более подробно на теме «Пушкин-Державин».

В 1794 году в семье Полторацких родился второй сын, Константин. А год спустя протопопом городского Петропавловского собора на дому была крещена дочь, названная Марией. самого Александра Марковича в это время не было дома — он уезжал в Петербург на похороны отца, по приезде же застал жену в сильном бреду и жару. Мэри скончалась, не приходя в сознание, от родильной горячки, что в те времена было нередким явлением даже в богатых домах. Как протестантка она была похоронена на

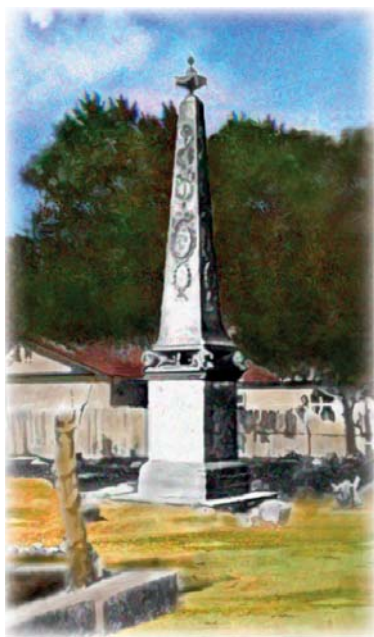
петрозаводском Старом немецком кладбище¹. Трех детей Полторацкого, оставшихся без матери, взял под опеку бывший губернатор Олонецкой губернии Г. Р. Державин. Удивительным образом сплетались судьбы таких разных людей, имевших непосредственное отношение к теме нашего исследования!

Рядом с Мэри в 1806 г. будет погребен и ее отец, Чарльз Гаскойн. По указанию императора Александра I на его могиле за счет казны был установлен красивый чугунный обелиск².

Такое происхождение 25-летнему участнику Отечественной войны 1812 года, внуку шотландца Александру Полторацкому-младшему скрывать не имело резона, тем более что в ту пору был в большой моде байронизм (Байрон, как известно, также был наполовину шотландцем). Все, особенно молодые петербургские аристократы, старались выглядеть разочарованными, томными героями британского поэта. В этой связи логично предположить, что уже в Петербурге при знакомстве с новым человеком Александр Полторацкий не скрывал и прочие обстоятельства своей



*Г. Р. Державин.
Художник В. Боровиковский. 1795г*



*Могила Ч. Гаскойна
на Старом немецком кладбище
в Петрозаводске*

¹ Находилось напротив Зарешкого православного кладбища.

² Снесен после ликвидации всего кладбища в середине 1930-х.

жизни. Наверняка при этом упоминался и Петрозаводск, который горные чиновники, дабы отличать от сибирского Петровского завода (кстати, того самого, где с 1830 года будут отбывать наказание многие декабристы), между собой именовали с уточнением: Петрозаводск на Онего-озере. Так, например, именуется Петрозаводск в письмах некоей англичанки баронессы Боде, гостившей в доме Гаскойна в 1803 г. В последней главе мы подробно остановимся на ее интересных записках о пребывании в Петрозаводске и на отношениях одного из членов семьи Боде с семейством Пушкиных.

Обстоятельства знакомства Александра Пушкина и гвардейского офицера-семеновца Александра Полторацкого остаются пока загадкой, но из воспоминаний Анны Петровны Керн с очевидностью вытекает одно — к концу 1818 году они были очень хорошо знакомы, и даже можно сделать вывод о каких-то напряженных, конфликтных отношениях между ними.

Возможно, сводный брат Александра Михаил Полторацкий во время дружеских бесед с поэтом (это происходило в Кишиневе) поделился с Александром Пушкиным и кое-какими личными воспоминаниями о брате и о петрозаводском периоде своей жизни. В набросках большого пушкинского романа под условным названием «Русский Пелам» обращает на себя внимание завязка: воспоминания «англизированного» героя о смерти матери. «Герою» тогда было три года, то есть именно столько, сколько А. Полторацкому, когда умерла Мэри. И сводного брата его также звали Михаилом... Но лучше начнем с истории всей их большой семьи.

Род Полторацких



Дворянский род Полторацких древним не назовешь. В сущности, его основал дед нашего героя — Марко Федорович, сын скромного соборного протоиерея из маленького украинского города Сосницы. И если б не прекрасный голос, быть бы Марко провинциальным синодальным певчим, а потому не видать столицы и больших чинов. А так он был замечен всеильным фаворитом Разумовским и привезен ко двору, поскольку императрица Елизавета Петровна обожала итальянское пение. В столице Марко быстро сделал карьеру — стал директором придворной капеллы, получил чин действительного статского советника.

Пушкин хорошо знал эту историю и в 1820 году занес в свою записную книжку анекдот о тщеславном малороссе: *NN был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, — говорил он на своем наречии, — що я такий еднорал, як вин сам». Это передали Потемкину, который сказал ему при встрече: «Что ты врешь? Какой ты генерал? Ты генерал-бас!»* Заметим здесь, что Пушкин, приводя этот анекдот, намеренно избегает упоминать фамилию Полторацкого, ограничиваясь нейтральным NN. Вряд ли это случайность.

Процветанию будущего многочисленного рода Полторацких в большой степени способствовала удачная женитьба Марко на Агафоклее



*Марко и Агафокля Полторацкие.
Художник Д. Левицкий. Конец XVIII в*

Александровне Шишковой, в приданое за которой он получил огромное имение в Грузинах и четыре тысячи душ крепостных. Будучи совершенно неграмотной, но умной и властной женщиной, Агафокля Александровна, помимо воспитания своих детей (а их число к концу века достигло 11), отлично управлялась со всем своим большим хозяйством и славилась крутым нравом, граничившим с жестокостью. Существует, например, легенда о том, что в старости она могла засыпать лишь под вопли наказываемых розгами крестьян и слуг.

Полторацкие имели хороший дом и в столичном Петербурге, в районе Сенной площади. Агафокля Александровна пользовалась даже большей известностью, чем ее сановный муж, в основном, правда, за свой вздорный характер и страсть к сплетням. Одно время по Петербургу прошел даже кем-то пущенный слух: *Полторачиху де за наветы присудили к розгам* — и полгорода сбежалось на экзекуцию, якобы назначенную на Сенной, под окнами дома Полторацких.

Знал Пушкин и о противоречивом поведении одного из самых известных потомков этого рода — будущего генерала Константина Марковича. Это он служил в третьем батальоне Семеновского пол-



*Константин Маркович Полторацкий.
Неизвестный художник. (1810-е)*

ка, несшем ночной караул в Михайловском замке в ночь убийства императора Павла I. Тогда 19-летний прапорщик первым обнажил шпагу в защиту своего императора и повел роту караула на заговорщиков, едва не сорвав весь их коварный замысел. И только властная команда одного из главных участников заговора графа Палена: *Караул, стой!* прекратила начавшуюся было схватку. Константин Полторацкий этим избежал неминуемой крепости, но свою пошатнувшуюся репутацию решил поправить способом прямо противоположного

свойства. Он уговорил некоего прапорщика Шубина инсценировать попытку задержания мифических злоумышленников, якобы предложивших двум честным офицерам участие в заговоре против только что возведенного на престол молодого императора Александра. Состоялось следствие, дело открылось — Шубина сослали в Сибирь, а Константин Полторацкий отделался лишь доброй головойкой.

Наверняка подробности цареубийства и непоследовательное, лукавое поведение командира роты Семеновского полка стали известны в обществе. В этой связи понятной становится пушкинская ирония, когда в 10-й главе «Евгения Онегина» он говорит о Семеновском полку так:

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей.

Обнаруживается явно негативное, ироничное отношение не только к определенному представителю клана. Свою неприязнь к отдельно-

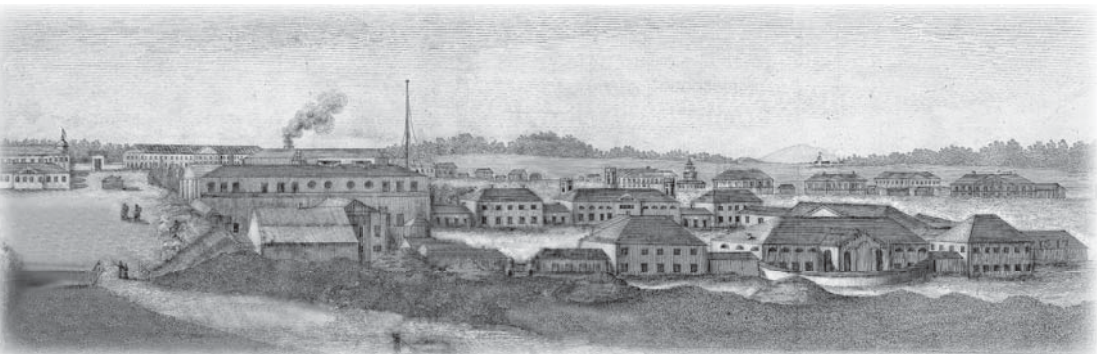


Пленные, захваченные французами при Шампобере.
Полковник Райде, генералы Полторацкий и Олсуфьев.
Гравюра К. М. Полторацкого. 1814 г.

му офицеру Семеновского воинства Пушкин переносит на всю роту караула и даже более — на всю «дружину старых усачей». Вне этого контекста не всегда бывает понятна предвзятость автора. Особенно, например, в том случае, когда он в шестой главе «Евгения Онегина» касается истории пленения французами некоего персонажа по фамилии Зарецкий. Его портрет автор рисует довольно подробно: бретер, дуэлянт, картежник, меткий стрелок, повеса. Как справедливо отмечает Ю. Лотман, более всего этот портрет напоминает главного пушкинского недруга той поры Ф. Толстого — «Американца». За исключением одной важной детали: Федор Толстой участвовал в войне 1812 года и даже получил Георгия за битву под Бородино, но никогда не был в плену у французов. Однако Пушкин заостряет наше внимание на этой подробности биографии Зарецкого:

Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого свалясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!

Любопытно, что только Константин Полторацкий из интересующего нас круга людей, предположительно причастных к роману, по-



*Вид Александровского пушечного завода. Гравюра из книги И. Германа
«Описание Кончезерского и Петрозаводского заводов...» 1800 г.*

падал в плен во время заграничных сражений с Наполеоном. Так что этот пассаж косвенно задевает и его, несмотря на последующие военные отличия и большие чины Константина Марковича.

Вообще почти все братья Полторацкие в конце XVIII в. не чурались политических игр и придворных интриг. Служа Екатерине Второй, многие из них состояли в так называемой партии наследника, имевшей намерение как можно скорее возвести на трон сына императрицы, великого князя Павла Петровича. При этом каких-либо насильственных действий в отношении царствующей императрицы сторонники Павла, конечно, не предполагали. Тайная приверженность наследнику обнаруживается даже в мелочах. Имена всех сыновей Александра Марковича, помощника начальника Олонецких горных заводов, повторяют имена следующего поколения великих князей, сыновей Павла I: Александр, Константин, Михаил. А последний, младший, рожденный уже в Петербурге, кстати, получил имя Павел.

Но тогда возникает вопрос: почему Александр Маркович и после воцарения Александра продолжает делать не просто хорошую — великолепную карьеру и с повышением переводится в столицу, управлять Монетным департаментом? Ведь большими успехами ни в должности начальника Олонецких заводов, ни в столице он не отличился. Объяснение этому феномену, пожалуй, надо искать снова в петрозаводском периоде его жизни.

После смерти Мэри Александр Маркович женится вторично. И жену привозит из Петербурга, дочь родовитого сановника Михаила Васильевича Бакунина (1730—1803), служившего «по секретной части», действительного статского советника, вице-президента Камер-коллегии. С 1796 по 1807 г. у Александра Марковича с Татьяной Михайловной рождаются дети: дочери Любовь, Варвара, Надежда и сын Михаил. Гаскойн вынужденно терпит попытки бывшего зятя играть вторую роль в его ведомстве, но в свое отсутствие оставляет за начальника все же не Полторацкого, а соотечественника Адама Армстронга. Не проявляется ли в этом подозрение, что бывший зять и есть тот «верный человек», своего рода комиссар, которого хотела приставить к нему еще покойная императрица?

Когда Гаскойн умер, на его место после некоторых колебаний правительство решило назначить все же не Армстронга, отличного специалиста своего дела, а Александра Полторацкого-старшего. Это означало для последнего высокий, генеральский чин обер-берггауптмана и директорские апартаменты. А через год с небольшим, как уже было сказано — новое, еще более высокое назначение в северную столицу. Правда, к тому времени влиятельный и чиновный тесть Полторацкого уже скончался, зато вошел в силу сын Бакунина Михаил Михайлович. Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что именно с 1808 г. М. М. Бакунин, шурин Александра Марковича, становится сенатором и гражданским губернатором Санкт-Петербурга. Посодействовать переводу мужа своей родной сестры в столичный департамент было для него в ту пору вполне посильной задачей.

Общую характеристику всего клана Полторацких дает в своих воспоминаниях А. П. Керн (кстати, урожденная Полторацкая, дочь Петра Марковича, родного брата А. Полторацкого-старшего, также знакомого с А. Пушкиным): *«Все дети были хорошо воспитаны, очень приветливы, обходительны, но довольно легкомысленны и для красного словца не жалели никого и ничего. Они были невысокого мнения друг о друге и верили всяким нелепостям о своих...»*

Мы еще вернемся к тому, что скрывается за этим «красным словом», но уже и так ясно, что общий отзыв о фамилии явно не очень лестный.

Как поссорились Александр Сергеевич с Александром Александровичем

После переезда в 1808 г. из Петрозаводска в Петербург 19-летний Александр Полторацкий-младший определяется в Институт путей сообщения. Институт был открыт только в 1811 г., следовательно, Александр проучился в нем менее одного года. Этим и ограничилось образование молодого человека из богатой аристократической среды. Видимо, недостаток образования он, как и многие люди его круга, с успехом восполнял «молчаньем в важном споре» и умением «коснуться до всего слегка». Правда, причина краткосрочности курса наук была вполне уважительная — начавшаяся война с Наполеоном. В августе 1812 г. Александр в чине прапорщика находится в действующей армии, в 1814 г. в бою под Лютценом получает серьезное ранение и заканчивает войну под Гамбургом. Возвращается в Петербург с рукой на перевязи, с орденом Анны 4-й степени в петлице. После излечения в 1815 г. служит в гвардейском Семеновском полку, вместе со своим младшим братом Константином, а также с Александром Бакуниным, лицейским товарищем поэта и родным братом красавицы фрейлины Екатерины Павловны Бакуниной. Она хорошо нам известна по лицейским стихам А. С. Пушкина. Первая и, может быть, самая сильная юношеская любовь поэта была подарена именно ей. А кого любила сама Бакунина? Ведь ей в это время было уже за двадцать — возраст любви, а не только романтической влюбленности.

Было ли обращено ее чувство на Александра Полторацкого-младшего? Очень может быть, вернее, это можно утверждать с определенной долей уверенности. На чем основывается такое предположение? Подтверждает возможность неразделенной любви к дальнему родственнику (мачеха А. Полторацкого тоже из рода Бакуниных) сам факт их брака 15 лет спустя, когда девица Е. П. Бакунина вышла замуж за вдовца А. А. Полторацкого... После женитьбы в 1821 г. и смерти своей первой жены Елизаветы Тулиновой, последовавшей в 1824 г., Полторацкий 10 лет жил в имении холо-



*А. А. Полторацкий
Копия Е. П. Полторацкой
с оригинала К. П. Брюллова. 1835 г.*



*Екатерина Бакунина.
Художник К. П. Брюллов. 1834 г.*

стяком и только через такой длительный срок смог обратить благосклонное внимание на влюбленную в него женщину. И представьте себе — для обоих этот запоздалый брак оказался удачным и наконец-то принес Полторацким счастье супружества и долгожданное рождение детей — сына Александра и дочери Екатерины.

Можно также с уверенностью предположить, что Александр Полторацкий уже в 1815 г. был известен лицеисту Пушкину, а к моменту их знакомства в 1818 г. уже, возможно, выглядел в глазах молодого поэта неким соперником, коварным Черномором, с помощью злых чар похитившим возлюбленную Людмилу, т. е. сердце обожаемой Катеньки Бакуниной. Свидетельств самого Пушкина на сей счет мы, к сожалению, не имеем, поскольку дневниковые записи этого времени были сожжены им в конце декабря 1825 г. Но зато нам хорошо известна роль А. Полторацкого еще в одном весьма болезненном для 20-летнего поэта любовном поражении.

Так уж получилось, что двух молодых людей — поэта и гвардейского офицера — объединяла (уместней было бы сказать — разъеди-

няла) любовь к одним и тем же женщинам. Причем для самого Пушкина в первом случае это была безответная любовь к Екатерине Бакуниной, самой первой любви не к театральной артистке или балерине, но к барышне из своего, великосветского круга (это для юного Пушкина было особенно важно!). Ей было посвящено несколько лирических стихотворений и дневниковых записей.

Во втором случае речь идет о любовной неудаче поэта во время короткой, но такой памятной для него встречи с «гением чистой красоты». Я имею в виду встречу Пушкина с двоюродной сестрой Полторацкого Анной Петровной (по мужу — Керн) в доме их дяди А. Н. Оленина (жена Оленина Елизавета Марковна — родная сестра Александра Полторацкого-старшего). Это произошло в конце февраля 1819 г., когда кузен Анны гвардейский поручик Александр Полторацкий привел с собой незнакомого ей юношу, угловатого, невзрачного и невысокого ростом, что выгодно подчеркивало статность и античные черты ее двоюродного брата. Полторацкий имел явный успех у своей кузины, молоденькой и очаровательной гене-



Гостиная Олениных.

Акварель неизвестного художника. 1820-е гг

ральши. Знакомство с невзрачным и бедным стихотворцем, автором пока еще не увидевшей свет поэмы «Руслан и Людмила» не оставило бы никакого следа в памяти юной красавицы, если б не литературная слава Пушкина 6 лет спустя. Вполне понятно, почему Анна ничуть не заинтересовалась невидным, небогатым и незнатным 20-летним поэтом (а кто в то время не писал стихи?). Пушкин по всем статьям проигрывал рослому гвардейцу, красавцу и богачу. Словом, настоящему «герою нашего времени». Правда, во всем остальном человеку самому заурядному, рано разочаровавшемуся и очерстневшему, не наделенному никаким приметным талантом. Я почему-то уверен, что Александр Полторацкий невысоко ценил талант «сочинительства», предпочитая материи более основательные. Таких аристократов, не понимавших и даже активно не любивших литературу, в век Пушкина было предостаточно. Например, шеф корпуса жандармов и начальник Третьего отделения А. Х. Бенкендорф всегда считал литературу ничемным занятием, а в литераторах видел одну лишь обузу своей многотрудной государственной деятельности.



Анна Керн.

Рисунок А. С. Пушкина. 1829 г.

Поэтому надо признать, что далеко не все современники относились к начинающему поэту с пиететом. Психологи проанализировали характер отношений Пушкина и Полторацкого по диалогам, приведенным в воспоминаниях Керн. Их вывод подтверждает догадку о том, что в недавнем прошлом личность последнего имела для Пушкина довольно высокий «рейтинг». Да это и не удивительно. Еще в лицейский период сверстники отмечали склонность Пушкина водить дружбу с людьми достаточно взрослыми — в основном с гвардейскими офицерами, находившимися в летних лагерях

в Царском Селе. И укоряли его за второстепенное, подчиненное положение в общении со «старшими товарищами». Закономерно, что Полторацкий по старой памяти на правах такого старшего явно пытается лидировать в их отношениях и достаточно снисходительно относится к неудачным попыткам Пушкина привлечь внимание Анны. Но контакта никак не получается, а холодность юной красавицы нарастает. Compliments его (в пересказе Керн) лишены изящества и легкости, ее двоюродный брат явно не хочет помочь приятелю. Наоборот, его снисходительно-колкие замечания скоро выводят поэта из равновесия. Однако Пушкин не остается в долгу. Когда Анне выпадает играть роль Клеопатры, он острит, указывая на Александра Полторацкого: *«А роль змеи, видно, предназначена этому господину?»*

Наконец Анна собирается уезжать — и провожатым в ее карету, конечно же, садится Александр Полторацкий. Александр Пушкин в растерянности смотрит им вслед — красивая юная женщина в сопровождении блестящего красавца офицера. В последний момент Анна все-таки искоса бросает взгляд на крыльцо, где стоит маленькая фигурка неудачливого влюбленного. Потом Александр Сергеевич (по свидетельству современников) не раз вспомнит этот момент. Через шесть лет в одном из писем к А. Н. Вульф он скажет, что не был глубоко задет: *«Если бы я был влюблен, то... со мною сделали бы судороги от бешенства и ревности; мне же оно было только немножко обидно»*. Вряд ли это так. Просто время — хороший лекарь.

Здесь во избежание кривотолков следует сказать о вполне допустимом амурном характере отношений Александра Полторацкого и Анны Керн. Об этом недвусмысленно свидетельствуют письма современников, а также выводы некоторых достаточно авторитетных исследователей. В таких отношениях общество 19 века не усматривало абсолютно ничего предосудительного, тем более — аморального. Припомним многочисленные коллизии «Войны и мира», где отношения кузенов не носят того характера исключительности, который придал им нынешний стереотип поведения. Это имеет и историческое обоснование: перефразируя известную формулу, прискорбно узок был круг дворянства, а искать партии за его пределами было делом в высшей степени предосудительным и не могло

найти мало-мальского оправдания со стороны высшего общества. Поэтому оно вынужденно мирилось не только с любовными историями, но и с браками кузин и кузенов.

Нашего современника никак не должны шокировать откровенно романические, амурные отношения блестящего молодого гвардейца и его двоюродной сестры, очаровательной 19-летней женщины. Единственный шекотливый момент в этой любовной интриге — это ее нерасторгнутый брак с генералом Керном, который был старше жены на 35 лет. Но здесь смягчающим ситуацию обстоятельством можно считать то, что развод супругов был вообще-то делом решенным, правда, тянулся вяло и осуществлен был только через несколько лет. Кроме того, ветренность и любвеобильность адресата знаменитого «Я помню чудное мгновенье...» ни для кого не была секретом. Прежде чем Пушкин добился признания от предмета своей страсти, он не раз упоминал (судя по письмам современников, в частности, все той же А. П. Керн) о своей ревности к главному тогдашнему сопернику — Александру Полторацкому. В данном случае ситуация подогревалась и тем, что последний, как мы убедились выше, несомненно внушил безответные чувства Екатерине Бакуниной. Отсюда постоянный пристальный интерес к этому человеку, ревнивое сопоставление: кто он и чем заслужил такое внимание прекрасной половины человечества; какими обладал достоинствами, коих не имел скромный чиновник министерства иностранных дел (официально Пушкин числился именно таковым)?

Но было бы слишком просто и прямолинейно объяснять такую тонкую материю, как импульс к поэтическому творчеству, банальной ревностью. Правильнее было бы предположить, что не только раздор из-за этих двух прекрасных женщин был причиной взаимного охлаждения двух этих достаточно разных людей, принадлежащих формально к одному сословию.

Мещанин и аристократ

Конечно, именно Полторацкий вольно или невольно оказался виновником двух очень болезненных для любого молодого человека уколов самолюбия. Истинная же причина не то чтоб разрыва, скорее, неприязненных отношений двух Александров лежит гораздо глубже. Молодого поэта более всего ранил снисходительно-высокомерный тон, которого придерживался этот вполне заурядный аристократ, кичившийся не столько службой в гвардии, куда путь небогатым дворянам (в том числе и Пушкину) был заказан, сколько положением и чинами своей многочисленной родни. Хотя, честно говоря, в ближайшей родне Полторацких были действительно люди именитые: А. Н. Оленин — директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств; М. М. Бакунин — гражданский губернатор Петербурга; К. М. Полторацкий — генерал, впоследствии военный и гражданский губернатор Ярославской губернии.

В этом аспекте вполне совпадает с нашей гипотезой вывод Ю. М. Лотмана об имени Евгений, носитель которого «имеет привилегии, но не имеет заслуг своих предков...» Заурядность, стереотипность Онегина подчеркивал и сам Пушкин. Встретив в Одессе своего дальнего



Константин Маркович
Полторацкий. Художник
Д. Доу (1822—1825)



Алексей Николаевич Оленин.
Художник А. Варнек
(Не ранее 1824)

родственника М. Д. Бутурлина, он на вопрос последнего: «*Кто такой твой Онегин?*» ответил: «*Это ты, cousin*». При этом существенно, какая характеристика дана современниками самому Бутурлину: «*пустой малый*» (Ю. М. Лотман). И, наверное, не случайно поэт начинал писать свой роман, по его же собственному выражению, «захлебываясь желчью». Начало романа как раз более всего пронизано свободным, ироничным отношением к герою, а очень многие стороны сюжета подаются в пародийной трактовке.



Михаил Дмитриевич Бутурлин.
Художник Карл Брюллов
(1820-е)

Например, в черновой рукописи «Евгения Онегина» в III главе после V строфы предполагались стихи, раскрывающие природу чувств Онегина после знакомства с Татьяной.

В постеле лёжа, наш Евгений
Глазами Байрона читал
Но дань вечерних размышлений
В уме Татьяне посвящал.
Проснулся он денницы ране
И мысль была всё о Татьяне.
«Вот новое, — подумал он, —
Неужто я в неё влюблён?
Ей-богу, это было б славно,
Себя уж то-то б одолжил;
Посмотрим». И тотчас решил
Соседок навещать исправно,
Как можно чаще — всякий день,
Ведь им досуг, а нам не лень...
Ужель Онегин в самом деле
Влюбился?

Этот пассаж автор все-таки изъясил из романа, однако почти дословно использовал его в стихотворной повести «Граф Нулин», напи-

санной в 1825 г. Напомню, что там некий жуир, возвращающийся из Парижа на родину, приглашен на ночлег в помещичий дом. Однако гость тут же решает завести интрижку с молодой хозяйкой, пользуясь отсутствием ее мужа.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?... вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», —
И Нулин свечку погасил.

Даже попытка сближения Онегина с образом легкомысленного волокиты, наделенного говорящей «пустой» фамилией Нулин, свидетельствует о крайне ироничном отношении автора к своему герою. По крайней мере, в первых главах романа.

О таком новом герое невозможно повествовать хорошо освоенным за последние годы языком романтических поэм, таких как «Цыганы», «Кавказский пленник», «Полтава» и других. Поэтому вместо патетической риторики «южных поэм» в новом его произведении неминуемо возникает и утверждается раскованный, в большей степени разговорный тон, оттененный (и это признают все пушкинисты) «свободным ироническим отношением к героям и к самой теме рассказа; традиционный романтический сюжет неожиданно появляется в комическом освещении и даже пародийной трактовке. (В. Жирмунский. «Байрон и Пушкин»).

Ироничным отношением к современной аристократии отмечено все пушкинское творчество, начиная с появления первых строф «Евгения Онегина»: от лирических стихотворений («Я — мешанин») до художественной прозы и публицистики начала 1830-х. Пушкин уже в начале двадцатых смотрел на роль и значение дворянства совершенно иначе, чем его представители, считавшие себя истинной аристократией только потому, что их отцы и деды из полной безвестности попали вдруг в высший свет, выслужив себе чины,



Александр Сергеевич Пушкин.
Репродукция с рисунка художника
В. А. Тропинина. 1827 г.
(АРАН. Ф.543. Оп.8. Д.938. Л.9)

а детям и внукам — порядочное состояние. Видимо, эти обстоятельства и оттолкнули в конце концов поэта от таких аристократов, как Северин или Полторацкий, и дали повод потомку древнего боярского рода с 600-летней историей дистанцироваться от них. Не зря Александр Сергеевич полушутя-полусерьезно заявлял: «Я — *мещанин!*». Правда, последнее обстоятельство никак нельзя считать основанием для «демократической ненависти к дворянству».

В конце 1820 — начале 30-х годов он часто обращается к мыслям

о роли дворянства в общественной жизни России. С убийственной иронией Пушкин отзывался о том социальном слое, к которому принадлежали многие русские дворяне, считающие себя истинными аристократами: «... *настоящая* (то есть современная. — Н. К.) *аристократия* наша с трудом может назвать и своего деда. Древние роды их восходят до Петра и Елисаветы. Денички, певчие, хохлы — вот их родоначальники. Говорю не в укор: достоинство — всегда достоинство, и государственная польза требует его возвышения. Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожников, деничков, певчих и дьячков *спесь герцога Монморанси...* »

Этот пассаж можно без всякой натяжки отнести и к Александру Полторацкому-младшему. Дед из украинских синодальных певчих, возвысившийся при Елизавете, британское происхождение по матери — не очень веские основания (по мнению Пушкина) для драпировки москвича чайльд-гарольдовым плащом. Хотя внешне судьба благоволила этому молодому человеку буквально во всем. Со стороны этот полуукраинец-полушотландец, действительно, выглядел «русским Байроном»: красив и богат подобно певцу Чайльда-Гарольда. Отец — начальник Олонекских горных заводов (затем столичного департамента) генерал-майор А. М. Полторацкий, мать — Мэри

Гаскойн, дочь знатного шотландца, управлявшего упомянутыми заводами в течение 20 лет, до 1806 г. Другое дело, что, может быть, не совсем органичной была для молодого гвардейца чрезвычайно модная в начале 1820-х годов романтическая томность и усталость героев Байрона. Вспомним, что Татьяне, посетившей жилище Онегина, вдруг приходит в голову догадка: «Уж не пародия ли он?»

Существенным моментом в реконструкции обстоятельств возникновения «Евгения Онегина» представляется и такое соображение. Пушкин еще в начале 20-х тонко почувствовал, выражаясь языком Л. Гумилева, отсутствие пассионарности у подавляющей части молодых аристократов. Они очень быстро славались и дряхлели душой при первых же ударах судьбы, и Полторацкий в этом смысле не исключение. Неожиданное препятствие на гвардейской стезе (восстание Семеновского полка и, как следствие, крах военной карьеры) заставила его оставить службу, год праздно провести в столице, а затем навсегда уехать в отцовское имение на тамбовщину. Заурядная судьба заурядного русского аристократа...

Как бы то ни было, но общение обоих Александров после 1820 г. прерывается надолго, до 1834 г. Ни один из них не оставит после себя каких-либо отзывов о бывшем приятеле. Исключая очень опосредованные.

Пушкин о наряде Евгения Онегина:

*«...Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать моё же дело:
Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет...»*



«И как героя назову...»

Ссылка на юг была закономерным продолжением глубочайшего кризиса, несчастливой полосы в жизни поэта. Очень важны для понимания психологии творчества автора «Онегина» обстоятельства его появления в Одессе весной 1823 г. Переезд от лояльного и добрейшего начальника, наместника Бессарабской области генерала Инзова к высокомерному и прагматичному одесскому наместнику Воронцову снова разбередил еще не зажившую рану в душе Пушкина, оставленную сановным и холодным Петербургом периода 1819—1820 гг. Тогда его открытая и юношески-доверчивая душа вновь натолкнулась на полупрезрительное отношение к нечиновному и бедному (хотя и знатного рода) юноше со стороны англизированных «новых аристократов», которых он впоследствии будет именовать не иначе как светской чернью. Для них мало или, скорее, совсем ничего не значил чей-либо стихотворный или иной талант, а лишь генеральские эполеты, ордена и пресловутый порядок, заведенный и благословленный свыше. Именно эта черта в характере Воронцова более всего раздражала поэта и привела его в конце концов к непримиримой конфронтации с этим всесильным управителем края:

— Он думает обо мне как о чиновнике 10 класса и своем подчиненном. Я, признаюсь, думаю о себе нечто большее...

Поэтому опять-таки совсем не увлечение женой Воронцова Елизаветой Ксаверьевной было главной причиной высылки Пушкина в родительское имение Михайловское. Кстати, в канцелярии Воронцова служил и уже упомянутый «спутник странный» Александр Раевский, и тот же самый П. Д. Северин, с которым у Пушкина произошел схожий конфликт, вызванный реакцией поэта на аристократическую нуворишевскую спесь, разве только поменьше масштабом.

Но все же не бессарабско-черноморские, а именно петербургские впечатления 1819—1820 гг. легли в основу его главного произведе-



*Михаил Семенович Воронцов.
Художник Т. Лоуренс*



*Елизавета Воронцова.
Художник Дж. Доу, 1820 год*

ния, замысел которого созрел и окончательно оформился в кишиневско-одесской глуши. Но почему именно фигура Полторацкого могла возникнуть перед внутренним взором поэта, когда он «думал уж о форме плана» и имени героя? К тому времени наверняка успели зарубцеваться раны несчастливой 1820 г. петербургской поры. Да и сколько раз с тех пор его пути пересекались с чванливыми и высокомерными снобами! Почему же в 1823 г. он мог вспомнить о Полторацком?

Здесь важно отметить следующее биографическое обстоятельство кишиневской жизни А. Пушкина. Буквально за полгода до начала работы над «Евгением Онегиным» среди его новых знакомых появляются два молодых офицера генштаба. Это выпускники Муравьевского училища колонновожатых двоюродные братья Михаил Александрович и Алексей Павлович Полторацкие. Они вели топографическую съемку Бессарабии и близко сошлись с опальным петербургским стихотворцем. А Михаил, родившийся в 1801 г. в Петрозаводске, приходился сводным братом А. А. Полторацкому и, конечно же, мог, так сказать, из первых рук сообщить очень важные сведения о нем. Оказывается, уже после отъезда Пушкина из Петербурга в жизни полкового адъютанта Семеновского полка произошли действительно серьезнейшие изменения.

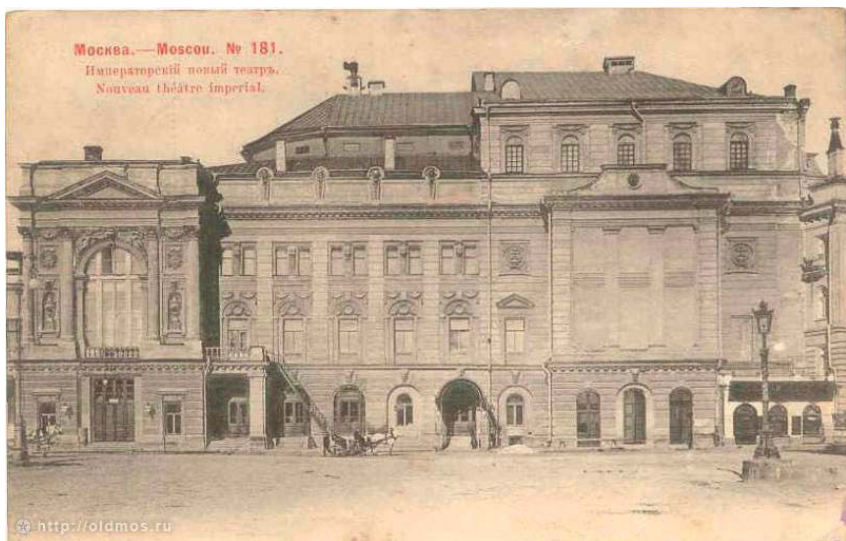
Гвардейская карьера Александра Александровича рухнула совершенно неожиданно и даже по не зависящим от него причинам. Семеновский полк, в котором он состоял в чине поручика и в должности полкового адъютанта, в ноябре 1820 г. восстал. Солдаты потребовали смены полкового командира, но взамен получили шпицрутены и Читинский острог. А офицеров, всех без исключения, перевели в армейские пехотные части. Но 28-летний гвардеец не захотел тянуть лямку в отдаленном армейском гарнизоне и подал рапорт об отставке. С год он праздно прожил в Петербурге, что называется, без каких-либо



Портрет поручика лейб-гвардии Семеновского полка П. Г. Бибикова. Неизвестный художник (1804—1805)

определенных занятий, а потом уехал в деревню, в родовое имение Рассказово на Тамбовщине, где уже десять лет жил и хозяйствовал его отец, бывший начальник Олонекских горных заводов генерал А. М. Полторацкий. Типичнейшая судьба почти любого русского аристократа: краткий период службы в армии, гвардии или по статской части, затем отставка и возвращение в родовое поместье...

Кроме того, молодой офицер генштаба Михаил Полторацкий, видимо, поведал Пушкину еще одну существенную подробность о своем брате. А именно — обстоятельства посещения им своего любимого дяди, генерала Константина Марковича. Дядя со временем стал единственным хозяином перешедшего к нему от родителей огромного фамильного имения в Грузинах. Он делал успешную карьеру, богател, но вдруг неожиданно «не в шутку занемог» и находился при смерти в результате серьезной травмы летом 1820 г. (упал с лесов строящегося своего нового московского дома напротив Российского благородного собрания). Дом возводился по проекту Ф. Шестакова (при участии О. Бове). Сейчас это здание в су-



Здание Императорского Нового Театра (бывший дом Полторацких) в 1901 г..

пешественно перестроенном виде принадлежит Российскому академическому Молодежному театру.

Ясно, что такой случай вызвал вполне понятный интерес к его персоне со стороны многочисленных племянников, которые надеялись, что умирающий упомянет их имя в предполагаемом завещании. Таким образом, летом 1820 г. Александр Полторацкий действительно мог совершить путешествие из Петербурга в Москву, «летя в пыли на почтовых». В данном случае путешествия и надежды племянников и племянниц были напрасны — дядюшка Константин Маркович после тяжелой и продолжительной болезни благополучно поправился. Кроме того, в этом же году он обзавелся наследником.

Такая информация также добавила определенные краски в предполагаемый портрет героя современности. И 9 мая 1823 г. под пушкинским пером появляется некий герой по имени Евгений с красивой полногласной фамилией, которая отсылает нас то ли к реке Онеге, то ли к озеру Онего...

Озеро Онего под пером Пушкина

По утверждению лингвистов, озеро, на берегах которого стоит Петрозаводск, имеет название с балтийско-финской корневой основой «нег» и начальным «о», характерным для восточных славян.

В средневековых документах и писцовых книгах одно из крупнейших озер Европы всегда называлось Онего. И только изредка с конца XVIII в. стало появляться его современное имя — Онежское. Такое преобразование не случайно — с развитием средств сообщения стало особенно очевидным неудобство наличия в одном регионе двух практически одинаковых гидронимов.

Многу были внимательно прочитаны все пушкинские произведения, включая и эпистолярные, с одной-единственной целью — найти любые упоминания озера Онего и реки Онеги. И вот что выяснилось. Онего автор упоминает при разборе поэмы Ф. Глинки «Карелия», а в 1835 г., за два года до смерти, в материалах к «Истории Петра» он пишет название озера уже на современный манер — Онежское. Рядом упоминает и реку Онегу. Создается впечатление, что делает он это намеренно, то ли уводя ассоциативную цепочку Онего-Онегин с истинного на ложный путь, то ли, наоборот, помогая нам постичь тайну происхождения фамилии своего героя...

И еще в одном случае поэт дал повод выстроить интересующие нас ассоциации, и то при сопоставлении разных произведений, имевших некую внутреннюю связь. Это можно пояснить на примере незаконченной поэмы «Езерский». Как известно, ее замысел был потом в полной мере реализован в поэме «Медный всадник», где герою оставлено уже только имя — Евгений. Поэтому легко и естественно эти две половинки имени соединяются в полное имя Евгений Езерский, то есть Озерский. Озеро — езеро — распространенная форма в русско-карельских названиях озер (например, Машезеро, Кончезеро).

В этой поэме речь идет о судьбе некогда родовитого дворянина, вернее, о крушении его судьбы под ударами обстоятельств, с которыми «и царям не совладать...» А имя его раскрывает еще одну ипостась, один из вариантов уже знакомого нам образа.

Если среди пушкинских знакомых нашлись люди с берегов Онего, это еще не есть убедительное доказательство их причастности к выбору фамилии главного героя романа. Можно привести один из свежих примеров из череды попыток объяснить феномен Онегина. Наш современник польский писатель Мариуш Вильк из любви к северной природе переехал в Карелию и поселился в обычном крестьянском доме на берегу Великой губы, заливе Онежского озера. В своей книге «Дом над Онего» М. Вильк постарался рассказать о значении и влиянии нашего великого озера на жизнь, историю и культуру края. Не обошел он стороной и вопрос происхождения фамилии Онегина. При этом писатель адресовал нас к личности поэта Федора Глинки, сосланного в город на Онего и написавшего там поэму «Карелия». Что ж, поэма действительно была высоко оценена Пушкиным. Однако пришлось бы предположить, что Александр Сергеевич предвидел ссылку своего друга, так как фамилию Онегин он начертал на первом черновике романа за три года до петрозаводско-онезжского периода жизни Федора Глинки. Я упомянул эту гипотезу в качестве одной из наиболее свежих, но, к сожалению, ничем не подкрепленных.



Фёдор Николаевич Глинка.
Гравюра К. Афанасьева. 1925 г.

Мы же попробуем найти веские подтверждения нашей гипотезы, используя для этого главный источник — текст романа. Первые же строки первой главы многие пушкинисты считают спародированным началом известной басни И. А. Крылова «Осел и мужик», в котором есть следующая строчка «Осел был самых честных правил...»

Грех проходить мимо такой интересной подробности — ведь именно эту басню впервые читал Крылов на памятном вечере в гостинной Олениных в феврале 1819 г. И именно в присутствии Пушкина, Керн и Полторацкого, то есть в этот вечер оказались вместе, сошлись все участники некоего узлового, в чем-то очень важного момента в жизни поэта. Вполне логичным поэтому выглядит использование в качестве завязки перефразированного стихотворения, имевшего тогда большой успех в доме Олениных. Литературоведы давно отметили, что самые первые главы романа буквально пропитаны едкой иронией.

Ироничное отношение к дяде героя романа и к самому герою легко объяснимо. Поэт в данном случае взялся за труднейшую тему «героя нашего времени», раскрыть которую невозможно без жесткого анализа пресловутого общественного мнения. Особенно человеку творческому, с философским, аналитическим складом ума во все века небезразлично, как, какими путями формируются идеалы и почему со временем они разрушаются в угоду очередному капризу моды и общественному мнению.

Поэтому не случайно первые строки романа почти дословно воспроизводят строчку из басни Ивана Крылова, прозвучавшую на памятном вечере в доме Олениных. Анна Керн простодушно вспоминала этот момент, не подозревая о его значимости: *«И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес:*

«Осел был самых честных правил!»

В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и, когда я держала корзинку с цветами, Пушкин вместе с братом Александром Полторацким (двоюродный брат А. П. Керн, родственник Е. М. Олениной) подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: *«Et c'est sans doute, monsieur, qui fera l'aspic»*. [Этот господин, конечно, будет аспидом! (франц.)] Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла».

«Зачем я пулей в грудь не ранен?»

В главе «Путешествие Онегина» упоминается поездка героя на кавказские минеральные воды. И поэт, дистанцируясь в данном случае от своего героя, иронизирует над пользователями этих вод и притворно вздыхает «зачем я пулей в грудь не ранен?» И очень странно, мягко говоря, что боевую рану он при этом уравнивает с почечуем (геморроем) и «болезнями Киприды» (венерическими). Позволительно ли допускать такое сближение, ведь по существу автор иронизирует над боевым ранением, и почему так конкретно — «пулей в грудь»?

Объяснить подобную вольность можно и таким образом. В 1815 — 1820-х гг. «на водах» часто лечился Александр Полторацкий, и как раз от последствий раны, полученной в 1813 г. под Лютценом. Причем ранение было «в грудь сквозь левую лопатку», то есть фактически в спину. Ничего предосудительного в этом нет, мало ли какие ранения получают даже самые отчаянные храбрецы! Однако в качестве иллюстрации тогдашнего общественного мнения на сей



Сражение при Лютцене 2 мая 1813 года.
Брюнельер П. по рисунку Жирарде с оригинала Верне К.

счет можно привести, например, эпиграмму пушкинского приятеля лицеиста А. Илличевского. Автор иронизирует над неким ТрусИмом, который свои доказательства участия в многочисленных сражениях заканчивает так:

«...Пять ран ношу... в затылке».

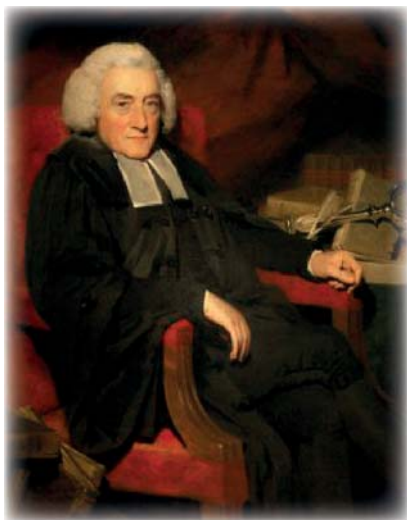
Кроме того, именно под Лютценом император Александр попал в неловкое положение. Союзные войска в конечном счете были опрокинуты Наполеоном и вынуждены были отступить. От полного разгрома их спасло отсутствие у Бонапарта конницы, следовательно, у французов не было возможности преследования отходивших колонн. При почти равных потерях союзники слухавили: доложили о сражении как о выигранном. Г. Р. Державин даже написал оду на «люценскую победу», а военачальники русских и прусских соединений были награждены полководческими орденами.

Так можно или нет хоть как-то оправдать авторское отношение к такому шекотливому предмету? Простить автору этот выпад можно в общем контексте его отношения к герою. И то лишь при одном условии: если поэт сам испытан огнем и свинцом и убедительно доказал при этом свое бесстрашие. Александр Пушкин действительно отличался завидным хладнокровием перед лицом смерти, в чем 15 раз могли убедиться его современники. Именно столько раз Пушкин участвовал в дуэльных поединках, ни один из которых, к счастью, не закончился трагически, ни один противник не погиб от его руки. Чаше всего поэт хладнокровно дожидался выстрела соперника, на этом заканчивал дуэль или просто стрелял в воздух. При этом надо учесть, что пистолетом он владел весьма недурно в результате каждодневных упражнений в стрельбе. А насчет бесстрашия под выстрелом есть свидетельство одного из противников, выразивших свое уважение поэту таким образом: *«Если вы так же хорошо пишете, как стоите под пулями...»*.

Очень интересны в романе (в том числе и в его набросках) все упоминания о круге чтения Онегина. Что же читал англазированный «москвич в гарольдовом плаще»? И можно ли соотнести выбор этих книг с упомянутыми особенностями Александра Полторацкого, по рождению полуукраинца-полушотландца? Были ли в библиотеке Онегина книги английских и шотландских авторов?

Даже беглый взгляд убеждает — были. Это, конечно же, книги Д. Байрона, В. Скотта, историка Гиббона, экономиста А. Смита, философа Д. Юма и историка В. Робертсона. Почти все они или шотландцы, или полуангличане-полушотландцы. Особый интерес представляет последний автор. Вильям Робертсон (1721—1793) — автор многотомной «Истории Шотландии», переизданной в 1801—1802 и в 1812 годах. То есть круг чтения Онегина свидетельствует о его явной приверженности, по крайней мере, интересе к английско-шотландской культуре. А она должна быть особенно близка А. Полторацкому, потомку британцев с берегов озера Онего. Особенность происхождения нечаянно и счастливо включила его

в контекст чрезвычайно модного в ту пору увлечения творчеством Байрона. А это, в свою очередь, генерировало целую волну российских подражателей романтическим героям поэм великого шотландца. Правда, роль демонических личностей удавалась далеко не всем...



Вильям Робертсон (1721—1793) — английский историк. Пастор, член высшего пресвитерианского церковного учреждения в Шотландии, королевский историограф Шотландии (1764 г.)

Окончательный разрыв с кланом Полторацких

Так случилось, что 1828 год принес Пушкину не только все-российскую славу, го и нешуточные огорчения, связанные с кланом Полторацких. Именно в этот год он всерьез помышляло женитьбе надочери Оленина и Е. М. Полторацкой — Аннет Олениной. На полях рукописей появляются идеализированные профили предполагаемой невесты, а имя Аннет он полушутя-полусерьезно пишет в сочетании со своей фамилией. И только вмешательство Елизаветы Марковны помешало осуществлению намерений поэта. «Вертопраху» было отказано породниться с родом Олениных-Полторацких! Да и сам Александр Сергеевич скоро понял, что поторопился: влюбленность в скором времени обернулась глухим раздражением от «пискливости, жеманства» и прочих неприятных черт девушки, которую он теперь прозрачно именовал «Лизой Лосиной».

Но истинной причиной последовавшего затем почти полного разрыва отношений со всем кланом Полторацких было не столько неудачное сватовство к Аннет Олениной, сколько неожиданный выпад со стороны бывшего приятеля поэта Алексея Павловича Полторацкого. Как тут не вспомнить строки А. П. Керн о «красном словце»!



В Кишиневе у Пушкина сложились с Алексеем очень хорошие отношения: молодой офицер-топограф был его постоянным спутником в шумных пирушках, за зеленым сукном, поверенным в дуэльных делах, наконец, Алексей Полторацкий тоже был стихотворцем. В письме П. Вяземскому Пушкин приводит его шутовское четверостишие, уточняя: «не мои — Полто-

Анна Оленина.
Художник П. Соколов. Ок. 1825 г.

рацкого». Затем в Петербурге поэт возобновляет свое знакомство с кузенами Полторацкими, часто встречается с ними за карточным столом, искренне печалится об отъезде одного из братьев. Увы, именно Алексей наносит ему чрезвычайно болезненный удар, пустив слух о пушкинской службе в III Отделении с жалованьем 2500 рублей в месяц. Резкое объяснение поэта с А. П. Полторацким не привело к дуэли, но, видимо, окончательно рассорило его со всем многочисленным семейством. Исключение было сделано тогда, пожалуй, лишь для А. П. Керн. Вспомним ее полуизвиняющуюся интонацию, когда она спустя много лет писала о своих дядях и кузенах, которые «... для красного словца не жалели никого и ничего...»

Именно об этой клевете бывшего кишиневского приятеля автор упоминает в «Евгении Онегине», когда, не дистанцируясь от своего героя, с горечью замечает: *«Его шпионом именуют...»*

Чем был вызван такой злой и несправедливый навет? Алексей Полторацкий сочувствовал декабристам (таких сочувствующих в Муравьевском училище колонновожатых было немало) и в той атмосфере всеобщей подозрительности сделал достоверный, как ему казалось, вывод о причастности Пушкина к расправе над участниками восстания и сочувствующими. Еще бы — нигде не служит, но имеет средства, близко знаком и даже состоит в переписке с самим Бенкендорфом, один из немногих уцелевших после полного разгрома всех обществ — как же иначе? .

События 1828 г. со временем стали восприниматься не столь болезненно, только прежних отношений с кузенами Полторацкими возобновить было невозможно.

Таков краткий очерк истории знакомства А. С. Пушкина с многочисленными потомками рода Марка Федоровича и Агафоклеи Александровны Полторацких, о смутном начале этих отношений и почти скандальном их разрыве. Поэтому нельзя удивляться, что эта фамилия после 1828 г. еще реже стала появляться в его письмах или сочинениях.

О него течет через пушкинский Петербург

Пушкин как явление культуры не принадлежит исключительно пушкиноведению, то есть его исследователям и комментаторам. Он являет собой своего рода культурный контекст для каждого образованного россиянина. Все мы вольно или невольно существуем в силовом поле его жизни и творчества, чем, наверное, и объясняется неослабевающий интерес не только к самой личности Пушкина, но и к его окружению.

В данном случае на первоначальном этапе поиска хорошую службу сослужил чисто краеведческий аспект исследования, который по ряду причин не мог в свое время попасть в поле зрения авторитетных пушкинистов. Этот аспект и вызвал к жизни данную попытку (удачную или неудачную) обосновать свой взгляд на проблему выбора фамилии героя романа в стихах.

На этом пути прежде всего хотелось избежать плоскобиографического истолкования образа Онегина, хотя приведенную версию и пришлось обосновывать подбором косвенных доказательств, связывающих очень тонкими нитями литературного героя и конкретного человека.

Из узко поставленной задачи исследования и вывод можно сделать такого же частного свойства: Александр Полторацкий, конечно, не может считаться единственным прототипом Онегина. Если найдется дотошный исследователь биографии Полторацкого, то он наверняка найдет множество черт, не совместимых с образом пушкинского героя. Исходя из этого, он сможет легко доказать, что указанных персонажей разъединяет гораздо больше факторов, чем могло бы объединять. Но обращаю внимание читателей на первопричину своего исследования: должен же быть сколько-нибудь убедительный ответ на один из интересных и важных вопросов о выборе имени главного героя романа. Почему же все-таки Онегин? И почему он сделан героем своего времени? В этой связи рискну утверждать, что первоначальный толчок замыслу романа и даже выбор имени героя вполне могут быть связаны с человеком, судьба которого тесно переплетена с судьбой города на Онего.

Такой вывод противоречит утвердившемуся в пушкинистике мнению о «речных» истоках фамилии героя, то есть о ее связи с рекой Онегой. Но этим и исчерпываются разногласия с серьезным пушкиноведением, так как основные свойства характера заурядного гвардейского офицера, а затем тамбовского помещика А. Полторацкого вряд ли составляют существенную долю образа, наделенного сложными и противоречивыми чертами и управляемого другими законами, законами творчества. Например, никак нельзя ставить знак равенства между Онегиным первой главы романа и его же образом в последующих главах. Интересно то, что от песни к песне образ Онегина исподволь меняется, авторское ироничное отношение к нему постепенно смягчается, что давало основание современникам считать Онегина некоей ипостасью самого Пушкина (юный романтический Пушкин, как известно, более соотносится с образом Ленского).

Не зря Ю. М. Лотман утверждал, что «в образе Онегина можно найти десятки сближений с различными современниками поэта — от пустых светских знакомцев до таких значимых для Пушкина лиц, как Чаадаев или Александр Раевский». А. Полторацкий, безусловно, относится к числу первых.

Позволю обратить внимание еще на одну весьма любопытную природно-географическую особенность нашего озера Онего. Как известно, его воды пополняются несколькими крупными и мелкими реками. А сток из южной части озера происходит через большую реку Свирь, выносящую онежские воды в Ладожское озеро, для которого они являются основной подпиткой. Из Ладоги короткая и полноводная Нева несет свои — в том числе и онежские воды — в Финский залив.

Таким образом, воды озера Онего, вобрав в себя большие и малые северные реки, подобно черточкам характера человека, на конечном отрезке своего пути протекают через пушкинский Петербург. Так и образ Онегина берет свое начало в малых черточках характера различных людей, но все они потом на глазах Пушкина и в его воображении соединяются в Неву, в могучий полноводный образ.

А река Онега? Она хоть и берет свое начало в болотах бывшей Олонецкой губернии, но путь ее лежит совсем в другую сторону, на Север, к холодному Белому морю.

Предвижу также законный вопрос: как быть с пушкинским конкретным указанием на место рождения героя? Написано ведь определенно — «родился на берегах Невы»... Могу сказать лишь одно: к первой публикации материала в журнале «Север» к 200-летию юбилею А. С. Пушкина у меня не было никаких доказательств рождения А. А. Полторацкого в Архангельске, Петрозаводске или Петербурге. Я лишь предполагал, что он мог родиться в Петербурге, поскольку у отца Мэри Гаскойн имелся дом в северной столице. Метрические книги г. Петрозаводска не отметили рождения братьев Александра и Константина на берегах Онего. Вот все их четыре сестры и брат Михаил родились в Петрозаводске — это подтверждено документально, записями в соответствующих книгах петрозаводского Петропавловского собора. Оставалось предположить, что фактическим местом рождения и крещения Александра Полторацкого-младшего мог быть либо Петербург, либо Архангельск. А в Петрозаводске, где прошло его детство, гувернеры тоже водили его в Летний сад. С петровских времен в городе с видом на озеро Онего был разбит парк, получивший одинаковое со столичным название.

В конце концов предположение о рождении героя исследования «на берегах Невы» со временем полностью подтвердилось. Поскольку после нескольких лет запросов и поисков оказалось, что Мэри действительно родила своего первенца в Петербурге, в доме своего отца, Ч. Гаскойна. Это произошло 7 мая, а крестили ребенка 9 мая 1792 г. в Морском Николо-Богоявленском соборе, о чем там имеется соответствующая запись.

Так что слова Пушкина о месте появления на свет Евгения Онегина («родился на берегах Невы») в полной мере относятся и к А. А. Полторацкому.

К сказанному можно еще добавить, что версия об озёрной фамилии героя пушкинского романа может со временем обрести и некое музейно-мемориальное приложение. В Петрозаводске цел (хотя и в несколько перестроенном виде) дом горного начальника по ул. Энгельса, 5. Там с 1786 г. в течение 20 лет жил дед нашего героя — шотландский инженер-металлург Чарльз Гаскойн, а после его смерти до переезда в Санкт-Петербург — семья генерала Александра Марковича Полторацкого.



Дом горного начальника в г. Петрозаводске, где с 1786 по 1806 гг. жил Ч. Гаскойн, а после его смерти до перевода в Петербург — семейство Полторацких

Первый дом Полторацких (он же дом Державина), к сожалению, не сохранился. 30 сентября 1941 г. отступающие части Красной Армии, получившие соответствующий приказ, в числе прочих стратегических объектов столицы Карело-Финской ССР зачем-то сожгли и домик Державина, где семейство Полторацких квартировало с 1793 по 1806 год.

Таким образом, из двух «до-

мов Онегина» в городе на Онего остался лишь один. Но и этого вполне достаточно, если умело, с учетом всех краеведческих находок провести предварительную работу по активизации «Пушкинско-онегинского» туристического ресурса.

С этой целью для исторического здания по Энгельса 5 надо разработать и утвердить памятную доску, повествующую о живших здесь исторических лицах. Надо издать хорошо иллюстрированный путеводитель по этой теме. Т. е. каких-то больших материальных затрат все эти меры не потребуют и окупятся довольно быстро. Не секрет, что основной поток туристов на о. Кижь идет транзитом через Петрозаводск. А чем можно заинтересовать туриста, особенно нынешнего, побывавшего во многих уголках Старого и Нового света? К сожалению, столица Карелии бедна туристическими объектами. В обойме петрозаводских экскурсоводов несколько памятников советского времени, монумент Петра Первого работы И. Шрёдера, архитектурный ансамбль бывшей Круглой площади, экспозиции Национального музея и Музея ИЗО — вот, пожалуй, и все. В этом случае «онегинский» ракурс старинного здания может иметь несомненный успех у большей части отечественных и зарубежных туристов. Это историческое здание хранит память не только о выдающихся российских металлургах. Оно может считаться и мемориальным памятником семьи Полторацких, одному из которых выпала честь сыграть довольно заметную роль в личной и творческой судьбе А. С. Пушкина.

И ЖИЗНЬ, И ВЫМЫСЕЛ

Сформулируем краткие выводы. Пушкинское отношение к герою по ходу романа существенно менялось. Автор все более сочувствует своему вымышленному герою, сближается с ним. Заметим, что и в жизни он уже не так критично относился к Александру Полторацкому. Даже несмотря на то, что своей вторичной женитьбой на Екатерине Бакуниной (а ведь это и есть «Катерина I» из знаменитого Дон-Жуанского списка поэта) тот напомнил ему о первом болезненном уколе самолюбию.

Поэт вполне мог присутствовать на этой свадьбе. Значит, старые обиды, в том числе и вздорные клеветнические слухи, распушенные Алексеем Полторацким, были прощены и забыты. Как литератору и наконец просто как великодушному человеку Александру Пушкину уже явно интересны судьбы этих людей.

Логично предположить также (и в этом мнении я не одинок), что Бакунина в лицейское время, в 1815 году была влюблена в блестящего

гвардейца. К тому же нет никаких свидетельств, что тот ответил ей взаимностью. В Бакунину были влюблены почти все лицеисты, и поэтому наверняка живо обсуждали ее сердечные дела. Может быть, сюжет безответной любви юной дворянки к блестящему гвардейцу и лег в основу известной сцены объяснения-признания Татьяны. А разве не может быть косвенным доказательством тот факт, что реальная Екатерина Баку-



*Екатерина Бакунина.
Автопортрет. 1816 г.*

нина почти 20 лет хранила верность своему избраннику и, в отличие от Онегинской Татьяны, дождалась своего счастья! Судя по ее сохранившимся письмам, Бакунина была очень счастлива в браке и ни разу не пожалела о своем выборе. Уже в старости, наблюдая за отношением зятя к своей дочери, она со слезами радости узнавала проявления чувств Александра Полторацкого: *«Иван так добр, он так тебя любит и ему будет приятно выполнять не только твои желания, но даже твои фантазии. Его любовь к тебе напоминает любовь твоего отца, который говаривал мне: “Пожелай же чего-нибудь, моя Катя!”»*

После смерти Екатерину Бакунину похоронили рядом с мужем в Новодевичьем монастыре (Санкт-Петербург).

Однако в главном-то итоге судьбы Онегина и Полторацкого оказались абсолютно непохожими. А разве Бакунина хоть в чем-то повторила судьбу Татьяны Лариной? И постпетербургская жизнь Полторацкого ничем не напоминает печальную участь Онегина. Наоборот, ему подарено счастье преданнейшей любви... А почему бы не предположить, что пусть и в зрелые годы, но все-таки смог полюбить по-настоящему? По крайней мере он этим осчастливил женщину, влюбленную в него с юности. Наверное, такое бывает нечасто. Во всяком случае подобный финал романа противоречил бы всей логике драматического развития. Автор романа руководствовался своей, иной логикой построения сюжета. Хрестоматийный пример — замужество Татьяны вопреки авторскому желанию. Да и какие тут могут быть прямые аналогии? Автор не обязан рабски следовать жизненным коллизиям. Нельзя также рассматривать поэтические образы героинь (в особенности) как некие копии реальных лиц, реальных современниц автора. На полноценность и глубину таких образов в гораздо большей степени влияют душевные переживания влюбленного поэта. Вот мнение биографа А. Пушкина литературоведа П. Губера, автора исследования «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина»:

«...Но позднее, в течение долгих лет, поэт любил уже не эту девушку, не эту реальную женщину, а свою любовь к ней, задушевное порождение своей фантазии. И своим острым, пронизательным умом он, конечно, понимал это. Такого рода замечание необходимо сделать, дабы предохранить себя от ложной, романтической идеализации, в которую так легко впасть, рассуждая о сердечной жизни Пушкина».

Несмотря на несовпадение фабулы романа и жизненного пути предполагаемых прототипов, можно заключить, что основные черты характера заурядного гвардейского офицера, холостяка и сердцеда, а позже — тамбовского помещика А. Полторацкого определенно составляют заметную долю онегинского образа, наделенного сложными и противоречивыми чертами.

А. А. Полторацкий, как уже не раз подчеркивалось, не единственный прототип Онегина. Всегда надо помнить, что образ героя романа собирательный, к тому же авторское право на художественный вымысел священно. В большинстве случаев только воображение автора вызывает к жизни глубоко правдивые образы, способные вызвать сопереживание читателя. И тронуть душу самого творца: *«Над вымыслом своим слезами обольюсь...»*

Уконография: Онегин и другие

Ленский и Онегин в пушкинской графике

Пушкин предпочитал не изображать своих героев графически, т. е. не творил их образы пером или карандашом. Насчет этого все пушкиноведы к настоящему времени имеют твердое мнение. Ранее такие авторские иллюстрации к произведениям допускались: в 1950-х годах даже были сделаны некоторые «открытия» портретных изображений Онегина или Ленского. Со временем они, правда, были «закрыты». Доказано, что это профильные портреты современников Александра Пушкина — поэтов Веневитинова и Туманского. Поэтому в своих изысканиях я и не пытался обнаружить зарисовку, передающую облик кого-нибудь из героев романа. Ну разве что за исключением одного-единственного случая, когда Александр Сергеевич сам набросал эскиз для художника, собиравшегося иллюстрировать «Евгения Онегина».

Эта автоиллюстрация Пушкина широко известна: оба героя — Ленский и Онегин — изображены на берегу Невы, напротив Петропавловской крепости. Ленского автор повернул к зрителю спиной, поэтому основное внимание уделим главному герою — Онегину. Он изображен в профиль и отличается явно офицерской



А. С. Пушкин: Автопортрет с Онегиным на набережной Невы (1824 г.)

выправкой и внушительным, «гвардейским» ростом. На службу в гвардии в то время могли рассчитывать только рослые рекруты, никак не ниже 182,5 см. Офицерам столичных полков устанавливались не такие строгие мерки, но несомненно полагалось выглядеть под стать своему воинству.

А. С. Пушкин, как опытный рисовальщик, умышленно поставил Ленского ближе к зрителю, так как в противном случае рядом с рослым Онегиным особенно скромной выглядела бы фигурка Ленского. Кстати, в образе последнего поэт представил са-

мого себя, сохранив даже характерную деталь — длинные волосы, отпущенные им в конце 1819 г. в подражание немецкому студенту Карлу Занду, казненному за политическое убийство.

Может ли этот «портрет» Онегина иметь хоть какое-то отношение к нашему герою? Во-первых, почему офицера можно было изобразить в статском сюртуке? Объяснение этому простое. Дело в том, что мундиры русских офицеров, а солдатские — в особенности, за время заграничного похода 1813—1814 годов были до крайности истрепаны. Настолько, что для парада по случаю взятия Парижа интенданты с трудом могли более-менее сносно обмундировать в полную форму лишь несколько полков. Во Франции офицеры не могли заказать новые мундиры, а вот гражданское платье приобрести можно было без труда. Тем более что модную одежду русская знать и до войны предпочитала выписывать из-за границы. Вот по такой причине император Александр I был вынужден разрешить русским офицерам приобретать и носить за границей цивильный костюм. По возвращении из Парижа многие офицеры пользовались этой привилегией и в столице.

Профессиональные портреты А. Полторацкого

Перейдем теперь к сравнительному анализу внешности Онегина и нашего героя. К великому счастью, сохранились три портрета Александра Полторацкого: карандашный графический портрет 1814 г. великолепного русского портретиста Петра Соколова; акварель 1835 г. кисти жены Полторацкого Е. П. Бакуниной, точнее, бакунинская копия акварели, незадолго до того сделанная Карлом Брюлловым. Наконец есть неплохой карандашный портрет 50-летнего Александра Полторацкого, выполненный его женой Е. П. Бакуниной-Полторацкой.

К сожалению, профильного среди них нет, но соколовский, сделанный в три четверти, все-таки дает определенное представление о внешности Александра Александровича в этом ракурсе. Прямой длинный «греческий» нос, выступающий крутой подбородок, маленькие плотно сжатые губы, красивая линия бровей «вразлет», светлые глаза с расширенными зрачками и тяжелыми веками, романтические байроновские кудри — таков 22-летний прапорщик, еще не оправившийся от тяжелой раны и принимающий, по видимому, обычное в то время болеутоляющее — опиум. Во всяком случае, этот портрет никак не противоречит пушкинскому Онегину.



Исходя из первых двух портретов и не рассчитывая увидеть какой-либо иной портрет Онегина, попробуем обнаружить среди многообразия пушкинского графического наследия изображения А. Полторацкого. Своих современников, особенно друзей, а также барышень и женщин, в которых был влюблен, поэт изображал часто и по любому поводу.

Конечно, атрибуция многих его портретных рисунков пером достаточно трудна даже для специалистов и допускает различные толкования одного и того же изображения. Но есть очень существенный и обнадеживающий фактор на пути к вероятному успеху.

Дело в том, что Пушкин рисовал отнюдь не только своих близких друзей или хороших знакомых. Рукописи пестрят изображениями (редко когда карикатурными!) и прямых недругов поэта.

Например, графа М. С. Воронцова, которого уж никак нельзя считать добрым знакомым Александра Сергеевича. Исследователями атрибутировано в пушкинских рукописях до десятка профильных портретов одесского наместника. Поэтому если предположить, что поэт по определенным соображениям избегал упоминать имя А. Полторацкого, должны найтись хотя бы портретные зарисовки человека, имеющего отношение к созданию образа главного героя романа.

Тем более что такие рисунки в гораздо большей степени, чем стихи или проза, относятся к глубинам подсознания, управляются скорее подсознательными импульсами. Не зря сам поэт описал в романе этот процесс как нечто машинальное:

...Перо, забывшись, не рисует
Близ неоконченных стихов
Ни женских ножек, ни голов...

Изображением Полторацкого (конечно, только предположительным) можно считать профильный портрет молодого человека в статском, относящийся к 1823 г., к периоду замысла романа. Очень интересен и похожий профиль молодого военного на рукописи (оборотной стороне) «Программы статьи по истории цивилизации» (1833—1834).

Атрибутирован этот портрет по-разному. Р. Жуйкова (Р. Г. Жуйкова — автор каталога атрибуций «Портретные рисунки Пушкина».



*Портрет молодого статского
на рукописи ЕО 1823 г. Справа
зачеркнутый профильный
автопортрет поэта
(атрибуция М. И. Яшина)*



*Профиль молодого военного на рукописи
(оборотной стороне) «Программы статьи
по истории цивилизации» (1833—1834).*



*Великий князь Николай Павлович.
Художник Василий Голике 1820-е. гг.*

СПб, 1996) считает его изображением Николая I по сходству профиля, сделанного в 1823 г. на черновике к «Евгению Онегину», а также по генеральскому эполету и шитью на воротнике мундира. Главный недостаток этой атрибуции очевиден: Николай I не обладал такой кудрявой «байроновской» шевелюрой, к тому же особенно подчеркнутой автором рисунка. В 1823 г. волосы великого князя Николая Павловича были почти прямыми, с едва заметным намеком на волнистость. Значит, можно предположить, что это не Николай. Тогда кто же? Граф Олизар? Нет полной уверенности, да к тому же тот был статским и никогда не имел генеральского чина... Стоит, видимо, обратить особое внимание на дату статьи и, соответственно, рисунка. Он сделан явно позже, так как для него использован оборот листа. Обычно Пушкин делал беглые зарисовки по ходу письма, фиксируя таким образом возникающие ассоциации. Данный рисунок может быть сделан спустя месяц-другой на обороте первого подвернувшегося черновика. А именно в начале 1834 г., 30 апреля, произошло одно важное для темы нашего исследования событие. В этот день Александр Сергеевич сделал в своем дневнике запись о венчании (а некоторые исследователи не исключают и присутствия поэта на свадьбе) капитана в отставке Александра Полторацкого и фрейлины Екатерины Бакуниной.

И если сам поэт довольно сдержанно и лапидарно отметил этот факт в записях, то его близкие обсуждали новость гораздо живее. По всему видно, что события в жизни Полторацкого и Бакуниной были для них действительно интересны, поскольку они касались и Александра Сергеевича. Как о чем-то важном сообщала своей дочери Ольге (Ольга Сергеевна, сестра поэта, была, кстати, близкой подругой А. П. Керн) мать поэта Надежда Осиповна Пушкина: *«Как новость скажу тебе, что м-ль Бакунина выходит за господина Полторацкого <...> свадьба будет после Пасхи. Ей 40 лет, он немолод, вдов, без детей и с состоянием, говорят, он два года как влюблен»*. А подруга невесты А. С. Шереметева отметила в письме: *«Она так счастлива, что плачет от радости»*. Очень важный факт! Екатерина Бакунина, по свидетельству современников, не скрывала своих чувств и до замужества, и много-много лет спустя. Через три года после смерти своего мужа А. Полторацкого она писала вышедшей замуж дочери: *«...я провела 21 год счастливейшей моей жизни. Желала*



Надежда Осиповна Пушкина,
урожд. Ганнибал.
Художник Ксавье де Местр



Ольга Сергеевна Павличева
(в девичестве — Пушкина).
Художник Е. А. Плюшар



Анна Сергеевна Шереметева.
Художник В. И. Гау

бы вам передать в наследие эти блаженные минуты прошедшего времени. Ты, мой друг, так напоминаешь мне покойного друга моего; его любовь и опытность усовершенствовали то, что в тебе еще развивается, но много подает мне надежд, что и моя Катя будет такая же счастливая жена, какой была ее мать...»

Таковы последние из дошедших до нас письменных упоминаний этого человека, запечатленного (с известной долей вероятности) на единственной пушкинской иллюстрации к роману.

Профили автора в портретах-сравнениях

Вернемся к рисунку 1834 г. Зная особенности творческой манеры Пушкина-графика, можно предположить, что упомянутый рисунок профиля молодого военного является результатом спонтанно возникшего желания закрепить зрительный образ не столь уж далекого прошлого. Это предположение подкреплено важным обстоятельством — соседством еще одного профильного портрета. И этот портретируемый также имеет отношение к образу, вернее, существенно повлиял на образ Онегина. Многие исследователи, например, такой тонкий критик, как В. Лакшин, прямо связывали явление «Евгения Онегина» с личностью Александра и Николая Раевских. А то, что изображен профиль именно Н. Раевского-младшего, можно говорить почти со стопроцентной уверенностью, так как другой портрет Н. Раевского, выполненный профессиональным художником также в профиль, полностью совпадает с пушкинским рисунком.



Н. Н. Раевский.

Рисунок А. С. Пушкина.

Вообще среди многочисленных профильных зарисовок обращает на себя внимание целый ряд портретов-сравнений. Они изображают профили двух (иногда трех) людей, один из которых представляет собой несомненный автопортрет. То есть рядом с подчеркнуто правильными чертами некоего персонажа (почти вертикальная линия лба, прямой нос, четкая линия рта, выступающий крутой подбородок) Пушкин изображает характерные особенности своего лица. Иногда в гротесковой, шаржированной манере, подчеркивая покатый лоб с выступающим надбровьем, приплюснутый, слегка крючковатый нос с характерным вырезом ноздрей, выступающие губы, срезанный подбородок. Т. е. получается, что некоему идеальному лицу он противопоставляет свое собственное, не соответствующее идеальному ни по каким параметрам. А вот профиль

Сравнительные профили самого Пушкина (фрагмент) и идеализированного профиля некоего молодого человека.

Рисунок на остатке вырванного листка с черновиком стихотворения «Песнь о вещем Олеге». 1822 г.



Полторацкого, пожалуй, более всего подходит под эталонный образец. На автоиллюстрации к «Онегину» профиль явно «эталонный», вернее, очень близок к таковому.

И все же предполагаемый портрет А. Полторацкого 1834 г. может вызвать недоумение, так как из отставного капитана тот сделан генералом, подобно его отцу. Что здесь имеется в виду? Насмешка над семейной страстью Полторацких к генеральскому чину? Вспомним исторический анекдот о Потемкине и Марко Полторацком: «Какой ты генерал? Ты — генерал-бас!» Или это намек на несостоявшуюся военную карьеру некогда гордого и чванливого гвардейца?



Профильные портреты самого Пушкина и Полторацкого на рукописи черновика «Барышни-крестьянки» 1830 г. Рисунок интересен тем, что все три мужских профиля обращены вслед фигуре А. Керн (то, что это Керн — согласны многие, тем более внизу два ее профиля). Левый мужской профиль не установлен. Возможно некий Флоранский, который счастливо ухаживал за Керн в 1830—1832 гг.

Почему появилась «Скала Карадага» в черновике первой главы романа

В этой главе продолжим тему графического сопровождения романа «Евгений Онегин». В частности, проанализируем самый зашифрованный рисунок, появившийся на черновиках пушкинской рукописи романа. Вообще мистификации с переодеванием портретируемых отмечали еще современники Пушкина. В. Горчаков, например, писал: *«Пушкин, бывало, нарисует Крупянскую похоже; расчертит ей вокруг волоса — выйдет он сам; потом на эту же самую голову накинёт карандашом чепчик — опять Крупянская...»*

В этой связи стоит подробнее остановиться на расшифрованном мною портрете Павла I, замаскированного Пушкиным под... морскую скалу Карадага! Он сделан в октябре 1823 г. на странице с черновым наброском первой главы «Евгения Онегина» (XLVI строфа). Те, кто бывал на крымском побережье между Коктебелем и пос. Курортное, без труда узнают эту знаменитую скалистую арку под названием Золотые ворота. Пушкин впервые увидел вырастающую из моря каменную «гору со сквозным ходом» летом 1820 г. с борта военного брига. Почему же спустя три года появляется рисованный пером пейзаж с морской скалой? Причем рядом со следующими строками:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

Литературовед Б. А. Протоклитов посвятил этому рисунку небольшую статью, где между прочим утверждает: «На фотографии современного вида “Золотых ворот” можно заметить естественные изменения очертаний скалы. Рисунок восхищает нас не только мастерством Пушкина-рисовальщика, но и (в который раз!) удивительной зрительской памятью великого поэта. В рисунке 1823 г. отражены впечатления трехлетней давности. Необычную скалу, поднимающуюся над морем, поэт увидел в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. ... Указанный рисунок отличается разнообразной штриховкой плоскостей горы. Это, конечно же, скала, поднимающаяся из воды. В этом убеждают и не замеченная А. М. Эфросом лаконичная волнистая линия в проходе скалы, передающая водную рябь, и слабо намеченная линия горизонта или берега. Мастерство пушкинской графики поражает нас и здесь: удивительнейшее сочетание уверенности рисунка и его легкости. Наряду с этим чувствуется воссоздание какого-то живого, яркого впечатления.»

Каких-либо определенных выводов автор статьи не делает. Ограничивается лишь замечанием, что рисунок «обогащает наше представление о памятных местах, с которыми был связан для Пушкина один из самых волнующих моментов его жизни». В послесловии к статье литературовед и искусствовед Т. Г. Цявловская задает себе этот вопрос «Есть ли возможность понять, почему возник вдруг в рукописях Пушкина через три года после его путешествия по Черному морю рисунок этой надводной скалы?» И сама же отвечает на него следующим образом: «Как видим, с текстом рисунок не связан. Мне представляется, что он был вызван оживлением воспоминаний о морском плавании и, возможно, о совместном с М. Н. Раевской созерцании этого феномена природы в связи с приездом последней в Одессу в октябре 1823 г.»

Вот с этим утверждением я решительно не могу согласиться. Попробую иначе объяснить появление этого графического пейзажа и обратить внимание на некоторые характерные детали пушкинского рисунка, ускользнувшие от внимания литературоведов. В первых, абрис правой части скалы на рисунке имеет существенные отличия от современного фотоснимка, сделанного с той же видовой точки. Изменения эти отнюдь не результат времени, сгладившего четко прорисованные выступы на пушкинском рисунке. Профиль

скалы на фото достаточно гладок и увенчан остроконечным гребнем. Во-вторых, если приглядеться внимательно, обнаружится, что Пушкин намеренно придал этому профилю черты «курносого злодея», венценосного тирана, за обличения которого (правильнее — которых, поскольку это относится и к его потомкам) поэт и оказался в южной ссылке. Похожий профиль Павла I, только обращенный влево, он изобразил еще в 1817 г. на беловом автографе широко из-

вестной тираноборческой оды «Вольность». Так что с текстом рисунок как раз связан, и связан чрезвычайно тесно.



*Карадаг.
Скала Золотые ворота.
Современное фото*

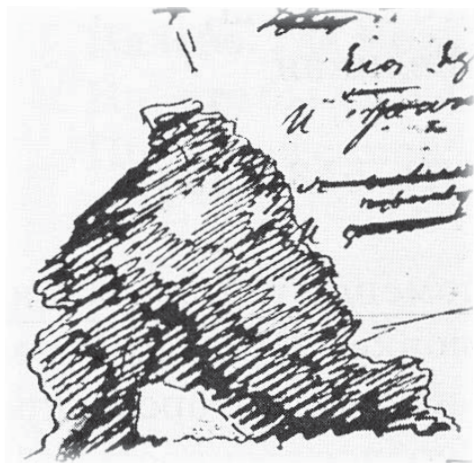


Рисунок А. С. Пушкина на странице с черновым наброском первой главы «Евгения Онегина»: профиль императора Павла Первого, замаскированный под скалу Золотые ворота



Профиль императора Павла Первого на черновом наброске к оде «Вольность». Рисунок А.С.Пушкина

Понятно, что Александр Сергеевич в 1823 г. не стал рисковать и оставлять на рукописи узнаваемый профиль. Он просто очень искусно закамуфлировал его штриховкой. Уловка вполне удалась: до сих пор никто не смог опознать в «воссоздании какого-то живого, яркого впечатления» важную для понимания строфы XLVI графическую подсказку. Мне представляется, что «змия воспоминаний» и «раскаянье», упоминаемое в строфе, имеет непосредственное отношение к оде «Вольность» и печальным для поэта последствиям, которые она породила. И о презируемых им людях, столь жестоко покаравших поэта за его максималистские, юношеские откровения. Вот о чем размышляет Александр Сергеевич в 1823 году, работая над первой главой «Евгения Онегина».

В данном случае поступок Пушкина-графика, скорее всего, продиктован чувством самосохранения. Хотя в ряду других подобных случаев нельзя исключить обычного для автора стремления оградить от постороннего, тем более — нескромного взгляда и праздных пересудов — саму творческую лабораторию или, если угодно, кухню литературного процесса. Это касается многих не менее оберегаемых тайн, которые заведомо должны были храниться лишь в памяти самого творца.

Например, всем пушкинистам хорошо известна неожиданно болезненная реакция поэта на критику «Евгения Онегина» профессором Московского университета Н. И. Надеждиным. В 1828 г., анализируя еще не заверченный роман, критик вынужден был зашифровать его название для читателей. И псевдоним Онегину он выбрал своеобразный (с намеком на фамилию истинного виновника поименования?) — «Евгений Четвертинский». Намек на Полторацкого? Почему бы и нет! Во всяком случае, такое предположение вполне допустимо. Если оно верно, то становится понятно, почему (насколько можно судить по переписке того времени) Пушкин был просто в бешенстве и обрушил на голову Надеждина многочисленные обвинения, в том числе даже в дурном воспитании. Придирки были, конечно, к вещам малозначительным, но тем не менее Надеждину порядком досталось от автора «Онегина-Четвертинского». Критик, дескать, нарушил правила хорошего

тона — поднял оброненный поэтом в приватном разговоре носовой платок! Излишняя любознательность профессора и его осведомленность о вещах, составляющих тайну творчества, видимо, и вызвала у поэта настоящий и не очень объяснимый из-за незначительности повода приступ гнева.



*Николай Иванович Надеждин
Художник П. З. Захаров (?). 1830-е гг.*

«Державинский след» В создании повести «Трбовщик»

Конечно, это просто случайное совпадение, что в приуральском селении Петровский завод 30-летнему гвардейскому офицеру Гавриле Державину довелось побывать еще во время усмирения Пугачевского бунта. Населенных мест с подобными названиями в тогдашней России было несколько — в киргизских степях Приуралья, в Сибири (на Байкале) и у нас, на Онего. Кстати, наша Петрозаводская слобода в то время еще не получила звания города Петрозаводска. Это случилось через месяц после того, как в феврале 1777 года Гаврила Державин был отчислен из армии и начал статскую службу в чине коллежского советника, владельца трех сотен крепостных.

Табакерка с алмазами и «алмазна гора»

Нам, жителям бывшей Олонецкой губернии, более всего интересны обстоятельства, приведшие Державина в наши края. Таковых было несколько, но главное, пожалуй, — его знаменитая ода «Фелица», которую он передал адресату, Екатерине II, через княгиню Дашкову весной 1783 года. Ода неожиданно произвела на государыню столь сильное



*Г. Р. Державин.
Художник И. Смирновский.
1780-е гг.*

впечатление, что никак не склонная к сентиментальности императрица пролила немало слез над стихотворными строками Державина. «Как дура, плачу», — признавалась она Дашковой и приказала выслать автору золотую с бриллиантами табакерку и 500 червонцев. После такого знака монаршей милости генерал-прокурор Вяземский, в подчинении которого служил Державин, стал вдруг настолько требователен к своему чиновнику, что ставшему в одночасье знаменитым поэту пришлось выйти в отставку и заняться поисками места. Уверенный, что получит просимый пост казанского губернатора, Державин поспешил даже перевезти туда домашние вещи. За этими хлопотами, прямо в пути, на постоялом дворе его вновь неожиданно настигла муза Поэзии, и в одну ночь он написал свою знаменитую поэму «Бог», а «когда кончил, был день». И день этот, к сожалению, не оправдал надежд Державина на серьезную государственную службу в большом волжском городе. Видимо, нерасположение к нему (не скажем зависть) Вяземского определило служить Гавриле Романовичу в холодном Петрозаводске.



ШТАТСКАЯ СЛУЖБА У ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА

Городок наш был одновременно и захолустьем, и столицей огромного региона от Вытегры до Грumanта. Правил всем этим огромным хозяйством генерал-губернатор, отставной гусарский генерал-поручик Тимофей Тутолмин. В его подчинении находились и Архангельский, и Олонецкий (в лице Г. Державина) губернаторы. Поселили Гаврилу Романовича в доме № 5, построенном некогда горным ведомством для своих офицеров и чиновников. Дом этот примыкал к Круглой площади, где располагалось губернское правление. Так что губернатор жил в двух минутах ходьбы от места своей службы. Двухэтажный дом самого Тутолмина соседствовал с Петропавловским собором, и таким образом два первых лица жили сравнительно далеко друг от друга, хотя от междоусобицы это обстоятельство не гарантировало.

Прямодушный губернатор быстро испортил отношения со своим начальником. Из литературы известны неоднозначные характеристики Тутолмина, к портрету которого архивные поиски часто добавляли штрихи взаимоисключающего свойства. Современники приводили доказательства его недюжинных организаторских и полководческих способностей. Тимофей Иванович сумел довести выучку сначала в Воронежском, затем в Сумском гусарском полку до превосходных степеней. Он заслужил орден св. Георгия за взятие Бендер под руководством фельдмаршала Румянцева. Но одновременно граф Румянцев обратил также внимание на то, что «полковник Тутолмин в деле, в атаке всегда находился не там, где ему надлежало находиться; он был всегда с полком, но всегда сзади, а не впереди гусар своих». Однако после этого замечания Тутолмин не только не оставил службу, но продолжил ее с немалым успехом, достигнув больших чинов и наград. Лишь в 1775 г. он сменил военный мундира на статский сюртук, став вице-губернатором Тверской губернии. Через некоторое время Тутолмину поручили генерал-губернаторство на Северо-Западе России. Петрозаводску предстояло стать центром большой горной империи, для чего из Британии был приглашен известный металлург и изобретатель Ч. Гаскойн. С перестройкой производства на современной технологической основе оба руководителя справились с честью. Заводы Олонецкого горного округа наладили выпуск военной и гражданской продукции. С британцем, кстати, со временем ставшим тестем Александра Полторацкого-старшего (младшему Гаскойн приходился дедам) Тутолмин сработался легко. Наверное, при этом он не раз вспомнил строптивость и неуживчивость своего губернатора, покинувшего край за год до приезда британца в Петрозаводск. Хорошо известно, чем закончилась служба Державина у Тутолмина. Нескрываемой враждой и тайным отъездом губернатора из Петрозаводска осенью 1785 года.



ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ.

Памятники не горят

Олонекский край остался в памяти стихотворца «как сонная греза». Но одновременно подарил ему немало жизненных впечатлений, обогативших потом отечественную поэзию. Могучий Кивач навеял ему своей мощью и красотой яркие образы, размышления о славе и земном пути личности. Не забудем, что именно эта ода заставила юного Дельвига ожидать приезда Державина в лицейском вестибюле, чтобы поцеловать руку творцу «Водопада»...

Петрозаводск долго хранил память о поэте-губернаторе. Домик его берегли, хотя никакого музея власти там и не собирались устраивать. В нем перед войной размещался ведомственный клуб. Перед оккупацией города 30 сентября 1941 года дом сожгли: был приказ — не оставлять наступающим финнам крыши над головой. На трофейных снимках хорошо видны обгорелые стены домов в центре. Но рядом — уцелевшие деревянные домики (например, у «Детского мира»). А вот державинский сожгли... Причем с явным риском для саперов Красной армии, отряженных на это задание



В первый день оккупации города (1 октября 1941 г.) дом, в котором жил Г. Р. Державин и Полторацкие еще был цел (справа на фото виден угол дома)

(город к тому времени уже находился в руках неприятеля). Зачем надо было уничтожать абсолютно безобидное в стратегическом отношении здание? Почему? Кто сейчас скажет...

В Петрозаводске, как я уже отмечал ранее, Державин жил в доме на углу Английской и Палатного переулков (затем он будет переименован в ул. Повенецкую), куда через восемь лет привезет новорожденного сына Александра провиантмейстер Александр Маркович Полторацкий. С 1793 г. по 1807 г. в этом бывшем державинском доме жил и воспитывался Александр Полторацкий-младший. Причем Гаврила Романович буквально через десять лет после своего тайного отъезда из Олонецкой губернии стал покровительствовать обитателям своего петрозаводского жилища. Видимо, через родственников своей жены, братьев Вердеревских, служивших в Петрозаводске, Державин узнал о смерти жены Полторацкого Мэри Гаскойн-Полторацкой. В этой ситуации Державин проявил свои лучшие человеческие качества и в 1795 г. принял на себя обязанность опекуна всех троих детей Полторацкого-старшего от первого

брака. Мало того, что два этих человека — Державин и Александр Полторацкий-младший — каждый в свое время жили, можно сказать, под одной крышей. Теперь оба они оказались соединенными некими серьезными житейскими и юридическими обязательствами, а позднее заняли важное место в творческой судьбе другого великого русского поэта. И в данном случае не имеет особенного значения разница их положений в обществе: один впоследствии стал всего лишь обыкновенным офицером гвардии в небольших чинах, а другой — царским сановником высокого ранга и самым знаменитым пиитом Екатерининского века.

Остановимся на роли Г. Р. Державина в одном очень важном для зрелого Пушкина решении — круто поменять привычную колею стихотворца на более суровую и трудную стезю прозаика. В этой связи хотел бы обратить ваше внимание на новую тему, связанную с творчеством двух выдающихся литераторов своего времени.

Любая мало-мальски круглая дата автора знаменитого «Водопада» в губернском городе Петрозаводске отмечалась и отмечается неукошнительно. 14 июля — день его рождения, а при упоминании имени Державина в памяти почти любого человека автоматически выскакивает пушкинское «Старик Державин нас заметил...» Ничего удивительного, все мы в той или иной степени смотрим на него как на человека и поэта глазами признанного авторитета всего девятнадцатого века — глазами Пушкина. Хорошо это или плохо — вопрос праздный. Это лишь констатация факта. Но справедлив ли Александр Сергеевич в оценке поэта ушедшего века пудренных париков, указавшего на юного лицеиста как на «продолжение Державина»?



Г. Р. Державин.
Неизвестный художник
1780-е гг.



Державин — всё Державин!

Сразу можно сказать, что отношение Пушкина к певцу екатерининского века не было ровным. Со временем оно, конечно, менялось от восторженного юношеского обожания до совершенного неприятия его заслуг как поэта в зрелые годы: *«У Державина должно сохранить будет од восемь, да несколько отрывков, а прочее сжечь...»*

Но при всем том не дай Бог кому-то постороннему дурно отозваться о творчестве мэтра: *«Державин, — говорил он, — всё Державин!»*. Славе автора «Водопада», по мнению Александра Сергеевича, не должно было в общественном мнении сгореть дотла с появлением новой поэзии пушкинского направления.

Всем жителям Карелии должны быть вдвойне дороги и интересны пушкинский взгляд и пушкинская оценка не только творчества, но и личности Гаврилы Романовича. В конце концов он наш первый губернатор, главный управитель огромного края и одновременно — философ, певец северной природы, напомнившей ему о судьбах великих людей своего времени.

Но есть и еще одно свойство многогранной личности Гаврилы Романовича. Он косвенно послужил «виновником» решения поэта направить свой дар на служение не столько поэзии, сколько художественной прозе. Предлагаю с этой целью обратить особо пристальное внимание на раннюю художественную прозу поэта, позволяющую косвенно оценить Державина как предтечу, как первооснову пушкинской прозы. И сразу, буквально с первых же страниц она поражает особым отношением к мэтру отечественной оды. Речь в данном случае идет о первой прозаической повести Александра Сергеевича с мрачноватым названием «Гробовщик». Не будем в данном случае считать, что все творчество Пушкина уже давно лежит на поверхности, подробно комментированное и растолкованное специалистами. Постараемся непредвзято оценить это совсем небольшое по объему, но очень непростое произведение.

Созданием повести «Гробовщик» сделан очень серьезный, важный шаг в писательской биографии А. Пушкина. Поэтому следует предположить, что в структуре произведения будет заключена некая программа дальнейших творческих устремлений, объяснение причины, по которой признанный стихотворец заговорил вдруг языком «презренной прозы». Многие исследователи, как правило, достаточно легковесно трактуют обращение Пушкина к необычному, мрачному и странному сюжету. Их почему-то более привлекают второстепенные, вернее, лежащие на поверхности биографические обстоятельства создания повести (планируемая женитьба на Гончаровой, вследствие чего на черновике «Гробовщика» появляется авторский рисунок: профиль невесты). И типичный вывод — автор мечтает потешить Наталью Николаевну забавной историей: «Видите, мол, она улыбается, прочитав сей замысловатый анекдот!»



*Профиль Натальи Николаевны
на рукописи «Гробовщика»*

Шульц — это Жуковский!

Для меня интерес к теме возник именно с рисунков Пушкина к первой своей прозе. Рассматривая графический сюжет с чаепитием Готлиба Шульца и Адриана Прохорова, я обратил внимание, что Шульц мне кого-то напоминает. Причем вполне определенный персонаж, приведенный в сборнике пушкинской графики. И вот что выяснилось: Шульц и Василий Андреевич Жуковский в исполнении Пушкина-графика похожи, как близнецы. Только лысину своему учителю Пушкин густо заштриховал ежиком шевелюры. Он, кстати, частенько прибегал к такому приему. Я уже упоминал его мистификации с портретом Крупянской, а главное — с портретом Павла Первого, замаскированный штриховкой под скалу Карадага.

К чему бы такое сближение? Решил, что в данном случае полезно изучить биографию Жуковского и особенно подробно — его участие в «Арзамасе», точнее, в «Арзамасском обществе безвестных людей», где Василий Андреевич играл главную, организующую роль. И обнаружилось, что кроме прозвища «Светлана» Жуковский имел там устойчивую репутацию «немца» за переводы мрачных баллад Бергера и Гете. В этой же связи к нему прилипло прозвище «гробокопателя» и, что удивительно, в сочетании со славой остроумного, веселого человека, талантливому пародиста и пересмешника. На рисунке, прошу заметить, Шульц-Жуковский явно саркастически улыбается, что, согласитесь, никак не подходит к окружению (гробы, стоящие в углу мастерской). Итак, значит, «немец» и «Арзамас». Интрига, кажется завязалась...

Обратимся к мнению наиболее сведущих в этом вопросе людей (Р. В. Иезуитовой, например), знатоков истории этого полушутовского объединения литераторов: *В Арзамасе, одним из основоположников и бессменным секретарем которого являлся Жуковский, нашли свое завершение его многолетние поиски жанров и форм юмористического творчества, в целом не вышедшие, как отмечалось выше, за рамки художественного эксперимента и не принесшие ему широкой известности. Для Пушкина же, напротив, с Арзамасом оказались неразрывно связанными и его громкая литературная репутация, и окон-*



Сцена чаепития Готтлиба Шульца и Адриана Прохорова. Рисунок А.С.Пушкина



Профиль В.Жуковского.
Рисунок А.С.Пушкина



В. А.Жуковский.
Художник К. Брюллов

чательное поэтическое самоопределение. Жуковский стоит у истоков Арзамаса, определяет его организационные формы и жанровые традиции. Пушкин, вступая в Арзамас в момент его апогея, вбирает в свое творчество все жизнеспособные элементы арзамасского стиля и жанровых форм арзамасского юмора...

На этой же почве возникает и получает развитие пародия, одна из характернейших форм юмористической поэзии Жуковского. Поэт редко прибегает к пародированию чужих произведений, зато охотно использует в самых различных целях собственное творчество — лирические стихотворения, элегии, песни, но чаще всего баллады...

(Опускаем развернутые доказательства и приводим только вывод. — Н. К.): Принципы шутивно-пародийного использования поэзии Жуковского прежде всего определились в его собственном юмористическом творчестве. Юный Пушкин уловил и подхватил эту тенденцию значительно раньше других своих современников и выразил ее прежде всего в шутивных произведениях, адресованных Жуковскому...

Ты дядя мне и на Парнасе...

Для нас в предыдущей главке важно следующее. Рассказы современников вроде бы генерируют некий общий тон, интонацию, усвоенную Александром Пушкиным во молодые лета. Но зато на всю жизнь.

Поэтому идем дальше и постараемся пристальней присмотреться к секретарю общества Василию Жуковскому и другим членам упомянутого кружка. Следующая привязка к «Арзамасу» — изображенные пушкинской рукой на черновиках «Гробовщика» сцена похорон и профиль некоего покойного. Как справедливо считают исследователи, — профиль умершего дяди Пушкина Василия Львовича. Тот тоже, как известно, был активным арзамасцем, даже более того — старостой общества, и буквально за 2 недели до создания «Гробовщика» почил в Бозе. Далее разбираться было уже проще. Как-то даже не удивился, когда в послании, написанном незадолго до кончины Василия Львовича, прочитал, что дядя слезно отговаривает племянника от обращения к прозе: *Ты поэт, мол, и пари на крыльях, не снисходи до низких жанров!* Этот завет дяди-стихотворца, прослышавшего о намерениях именитого племянника, был сделан в самые



Сцена похорон и профиль некоего покойного.
Рисунки А. С. Пушкина на черновике повести «Гробовщик»

ответственные минуты жизни, накануне кончины. Когда человек отрешен от малозначимых событий и сосредоточен на самом важном, самом существенном.

Александр Сергеевич, надо полагать, снисходительно выслушал такой наказ, но, как мы знаем, поступил совершенно иначе: *«Года к суровой прозе клонят»*. И, надо полагать, мысли его в ту знаменитую осень 1830 г. неминуемо занимали воспоминания о первых шагах в поэзии, совпавших с расцветом «Арзамаса». Вернее, весь путь превращения его, уже состоявшегося, признанного стихотворца в прозаика. В данном случае очень логичным выглядит его обращение к прошлому, к началу, к первым стихотворным опытам. А они в 1815—1816 годах выглядели так: поэтический, арзамасский экстаз — прекрасное, безвозвратно отдалившееся, но очень дорогое ему время. Глава «Арзамаса» — конечно, его учитель и верный друг на всю жизнь Василий Жуковский. А дядя Василий Львович — один из милых, смешных светочей, столпов этого объединения стихотворцев. Они оба и есть, таким образом, главная побудительная причина создания «Гробовщика».

Есть даже не косвенные, а вполне прямые доказательства верности главных действующих лиц нашего исследования арзамасским традициям, арзамасскому братству в начале 1830-х годов. Письмо А. Пушкина П. Вяземскому от 14 августа 1831 г. начинается со стихотворного поздравления (Вяземскому было пожаловано звание камергера):

«Любезный Вяземский, поэт и камергер...
Василья Львовича узнал ли ты манер?

И далее поэт повествует: *«...Мы, царскосельские арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь...»*



В. Л. Пушкин.
Художник Э. Кеннеди. 1803 г.

В следующем письме тому же адресату Пушкин добавляет:

«20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние арзамасцы помянули своего старосту вотрушками (Василий Львович имел прозвище Вот. — Н. К.), в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана (арзамасское прозвище Жуковского. — Н. К.) произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспомнила она обряд принятия его в Арзамас».

Смерть дяди, обострившая память о давнем арзамасском прошлом как раз накануне создания «Гробовщика», уже упоминавшийся портрет Светланы-Жуковского в виде немецкого сапожника Шульца, профиль покойного дяди Василия на черновике повести — такое нельзя расценивать как случайность. Вот когда принял эту точку зрения, весь строй повести стал логичным, а сюжет приобрел кристальную ясность.

«Арзамас» — это серьезный смех

Итак, какие еще приметы «Арзамаса» можно найти в тексте? Их множество. Например, масонский способ, коим Шульц стучался в двери Адриана Прохорова. Арзамасцы, как известно, использовали в своем обществе масонские обряды, в том числе особую манеру извещать о своем появлении: откройте, свои! Кроме того, среди гостей Шульца особенно колоритен чухонец Юрко, который несет службу «в броне сермяжной» и в некоем полосатом сооружении традиционной архитектуры, отстроенном после московского пожара. В «Арзамасе» был свой «чухонец», как он сам себя называл (по отцу — финн или эстонец). И служил он по архитектурной части в Москве. А упоминание таких фактов, как ночлег в будке у Юрко неких подвыпивших «с воскресенья на понедельник» — скорее всего, лукавый намек на определенную сексуальную ориентацию «арзамасского чухонца». Это довольно точно написанный портрет Ф. Ф. Вигеля, арзамасца и пушкинского приятеля. Сам Филипп Филиппович, тонкий и наблюдательный человек, достаточно кратко и верно охарактеризовал суть «Арзамаса».

Вигель так пишет в своих «Воспоминаниях»: литературное общество «Арзамас» создано в противовес официально признанной «Беседе»...

«Беседа» в ту пору клонилась уже к своему «закату». По-прежнему витийствовал благородный старовер Шишков, по-прежнему каждый месяц в роскошной зале причудливого дома Державина (что на Фонтанке у Измайловского моста) собирались, в мундирах и регалиях, чинные и титулованные литераторы, и вельможи при орденах, и дамы с горящими взглядами, — но общественный интерес потихоньку начал ослабевать, и если прежде «весь Петербург» съезжался на ее заседания, как на балы или на концерты, и дамы, которые ровно ничего не понимали в торжественных одах и речах, не чувствовали скуки, ибо «исполнены были мысли, что совершают великий патриотический подвиг, и делали сие с примерным самоотвержением», то к осени 1815 года страсти поутихли, «Чтения в Беседе...» стали покупать неохотно, публики съезжалось все меньше, члены пропускали заседания все чаще, а сама «Беседа» приобрела более «вид казенного места, чем ученого сословия». И тут появился «Арзамас». Он включил двадцать членов, каждому из которых было присвоено прозвище, взятое из баллад Жуковского. Сам Жуковский получил кличку Светлана. Д. Н. Блюдов — Кассандра. Д. В. Дашков — Чу. С. С. Уваров — Старушка. С. П. Жихарев — Громобой. Ф. Ф. Вигель — Ивиков Журавль. Д. П. Северин — Резвый Кот. А. И. Тургенев — Эолова Арфа. П. А. Вяземский — Асмодей. В. А. Пушкин — Вот Я Вас (а позже: Вотрушка). Н. И. Тургенев — Варвик. М. Ф. Орлов — Рейн, Н. М. Муравьев — Адельстан. А. Ф. Воейков — Дымная Печурка (или: Две Огромные Руки). Д. В. Давыдов — Армянин. П. И. Полетика — Очарованный Челнок. А. А. Плещеев — Черный Вран. Молодой А. С. Пушкин, принятый позже, получил кличку Сверчок.



Ф. Ф. Вигель

Занятия «Арзамаса» очень точно определил лицеист Пушкин в письме к Вяземскому от 27 марта 1816 года: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей русского слова». Основанный с литературно-полемическими целями,

«Арзамас» стал обществом пародическим, которое противопоставило в своей структуре организационные формы «Беседы», ее сословную и литературную иерархию подчеркнуто дружескому характеру общения.

Пародируя официальный ритуал собраний «Беседы», каждый член «Арзамаса» при вступлении в общество «выбирал для первой речи своей одного из живых покойников «Беседы» или Академии (прошу обратить внимание на этот момент. — Н. К.) заимобразно и напрокат и говорил бы ему похвальную надгробную речь. Эти «надгробные речи» были направлены против излюбленных «староверами» «высоких» жанров, и сама напыщенность их приобретала комический характер. Вместо помпезных «Отчетов о заседании Беседы...» в «Арзамасе» составлялись шуточные протоколы (большая часть которых писана Жуковским), имеющие значение и поныне в качестве образцов юмора.

Сама обстановка заседаний тоже противостояла духу «Беседы». Там — три вида членов; здесь — «безвестные литераторы». Там — обязательны титулы и громкие имена; здесь — обязательны прозвища, клички, подчеркнутая партикулярность и равенство. Там — подчеркнутое «единодержавие» (председатели «разрядов» и «попечители» из высших сановников); здесь — принцип выборности: «президент» выбирается на каждое отдельное заседание. Там — украшенная желтым мрамором и колоннами огромная зала державинского дома; здесь — заседания собираются попеременно то у одного, то у другого.

Основным бытовым и творческим принципом арзамасцев оказался, таким образом, принцип острословия, остроумия, которому подчинялись и собрания с традиционным гусем и неизменным пением кантаты о Шаховском (Шутовском), и протоколы, и критика (которая, заявил Жуковский, «должна ехать верхом на Галиматье»), и литературная деятельность членов «братства», которая привела к расцвету таких жанров, как пародия, сатира, эпиграмма... Однако если бы деятельность «Арзамаса» сводилась только к шутке и «галиматье», если бы он был только развлекательным обществом (вроде «допожарных» московских собраний у Вяземского), — о нем вряд ли стоило бы говорить так подробно. Помимо «отпевания халдеев» и борьбы с литературным консерватизмом средствами сатиры, «Арзамас» решал очень важную литературную задачу.

Почему гробовщик отталкивает призрак Державина

Вспомним эпиграф к повести:

*Не зрим ли каждый день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?*

Державин.

Среди гостей Шульца, наверное, можно найти еще несколько портретов бывших арзамасцев, но для этого уже не хватает моих скромных познаний. Скажу лишь основное: сама фигура Адриана Прохорова семантически связана с личностью автора, создателя повести. Хотя внешнего графического сходства Пушкин поостерегся. Иначе искушенный читатель вмиг бы узнал самого автора, заметив на изображении бородатого Адриана знаменитый приплюснутый (арапский) нос. Достаточно и того, что инициалы автора и героя совпадают: А. П. (в черновике даже А. С. П.).

Но дальше происходят самые интересные события. Рассерженный насмешками шульцевых гостей Адриан уходит к себе и встречается в своем новом доме целую толпу погребенных им покойников. И наиболее замечателен один из них: в обрывках красно-зеленого мундира преображенца, в высоких ботфортах на костяных ногах. Он лезет к Адриану с объятиями, но тот в ужасе отталкивает бывшего сержанта гвардии П. П. Курилкина и... просыпается.

Как мне кажется, эта встреча — еще более давнее, первых лет «Арзамаса» свидание с неким литературным авторитетом. Точнее, с Гаврилой Романовичем Державиным. Тот в 1815 г. на выпускном экзамене в Лицее, как известно, искал встречи с Александром Пушкиным, «хотел обнять», но юноша уклонился от этих объятий. Из скромности. Иное дело — зрелый Пушкин. О творчестве Державина у него уже определенное мнение: все его оды, считает теперь А. С. Пушкин, безнадежно устарели, их надобно выкинуть за исключением полудюжины стихотворений. Прежнее его преклонение перед поэтическим гением Державина уступило место холодноватому признанию явных, но единичных заслуг мэтра. Выражаясь языком повести, он сам в юности «продал ему сосно-

вый гроб за дубовый». То есть юношеское почитание творчества мэтра было неизмеримо выше того, что думает о нем зрелый Пушкин. Но, тем не менее, когда при нем кто-либо позволял себе ругать Державина, он вставал на защиту: «Державин всё Державин!» Однако лиру от него отказывался принять, не считал себя его питейным наследником. Символична и дата «похорон» Курилкина — 1799 г. То есть год рождения самого Пушкина трактовался им в 1830 г. как год смерти поэта Державина. Вот, пожалуй, где разгадка таинственного сержанта Петра Петровича Курилкина, пытающегося прижать к груди Александра Пушкина. Ведь Державин действительно был сержантом Преображенского полка, и догадку о причастности Гаврилы Романовича к образу Курилкина высказали недавно два американских литературоведа Д. Бетеа и С. Давыдов (это для меня было полной неожиданностью и замечательным подтверждением верности моей трактовки).

Есть и косвенные подтверждения со стороны тех, кому не лень было в очередной раз ворошить давно обглоданные сотнями литературоведов кости очевидных истин. Некоторые исследователи (Н. К. Гей) признают: «Показательно, что у Пушкина, очень далёкого от «открытого» автобиографизма, даже в прозе, и в данном случае в «Гробовщике», можно найти насквозь биографическую ситуацию вынужденного болдинского «сидения» поэта накануне решающих изменений его жизни».

А вот что думает литературовед В. С. Узин: «Пять повестей — интимнейшая исповедь поэта» и «его отношения к Гончаровым, отношение последних к нему, необходимость полного разрыва с прошлым, тревога за будущее — вдруг вырастают в проблему, выходящую далеко за пределы его личных, временных задач. Вся история его столкновений с семьёй Гончаровых, его раздумий о своей судьбе выкристаллизовывается в форме пяти повестей, рассказываемых грустным, одиноким Белкиным».

П. П. Курилкин. Рисунок А.С.Пушкина на черновике повести «Гробовщик»



Синхрония и диахрония

Как видим, налицо некоторое движение в предлагаемом мной направлении. Но американские исследователи Дэвид Бетеа и Сергей Давыдов, на мой взгляд, более других приблизились к пониманию повести. Правда, у американцев есть и такие оппоненты, как литературовед В. Паршин. Он вкратце излагает сначала трактовку американцев: «Они считают, что «Гробовщика» можно читать... как метапоэтическую автобиографию. Тогда прозаический герой с инициалами А. П. (в рукописном наброске, как уже отмечалось, — А. С. П.) означает автора, А. С. Пушкина. Прохоров начинает изготавливать свои «произведения» в 1799 году, в год рождения Пушкина; переехав в новый дом» (в аллегорически-метапоэтическом плане это переход к прозе) и найдя в нём «суматоху», он начинает вздыхать о своей ветхой лачужке, «где в течение осьмнадцати лет всё было заведено самым строгим порядком». «Вышеизложенные авторы расшифровывают это таким образом, что в 1830 год — год творческой деятельности Пушкина, а русская проза — тот дом, в котором строго соблюдались правила романтического, сентиментального и нравоучительного канонов». В том же русле рассуждений сон Прохорова тоже обретает глубокий и исключительно важный для автора смысл: «Скелет Курилкина, пытающийся обнять Прохорова за то, что тот продал ему первый из своих гробов, не кто иной, как старик Державин». Нельзя не признать остроумие и смелость американских исследователей в их интерпретации пушкинского «Гробовщика», однако в ней прослеживается размывание биографического контекста, влекущее за собой неизбежную подгонку текста под таким образом рассматриваемый контекст, своего рода вскрытие диахронии (почти целая жизнь поэта) там, где логичнее усматривать синхронию (болдинский период 1830 года), что весьма спорно».

«Размывание биографического контекста, диахрония»! Где ж тут раздобудешь синхронию в таком причудливом повествовании, с прыжками-переходами от сна к реальности и снова к чертовщине и нежити!

Что же получается?

На мой взгляд, смысл повести в следующем. Пушкину нелегко, страшно даже расставаться с привычной пиитической стезей. Но он уже усвоил полученную в «Арзамасе» науку отрешаться от прежних достижений, если они уже не вполне соответствуют духу времени и новым творческим задачам. Как невозможно было живописать «Евгения Онегина» красками южных поэм, так же, видимо, нельзя было вести задуманные повествования привычным языком поэзии.

«Год к суровой прозе клонят...»

У членов «Арзамаса», как уже сказано выше, существовала традиция, согласно которой каждый арзамасец должен выступить с погребальной речью на мнимых похоронах одного из членов «Беседы любителей русского слова», литературного общества, созданного по инициативе А. С. Шишкова и Г. Р. Державина. «Беседа» существовала с 1811 по 1816 гг., а оппозиционный ей «Арзамас» организован в 1815 г. после выхода комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Всего один год литературное общество Жуковского вело активные боевые действия против своего сановного оппонента. В 1816 г. противник, потеряв боевое знамя в лице Державина, сложил оружие и отправился, так сказать, на зимние квартиры. После смерти Державина «Арзамас» еще год продолжал полемические выпады против «беседчиков». Однако и в этот год, и годом ранее имена таких противников, как Г. Р. Державин и И. А. Крылов, почти не упоминались во время многочисленных заседаний непримиримых и задиристых «арзамасцев». Говорю почти, поскольку лицеист Пушкин в стихотворении «Тень Фон-Визина» все же не удержался и задел Державина строчками

Он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?

Будучи юным «Сверчком», Пушкин вместе со всеми участвовал в веселых арзамасских «похоронах» драматургов и пиитов конца 18 века. Вот почему погребенные и явились как снег на голову, на-

пугав до полусмерти бедного Адриана Прохорова. Однако одновременно это ведь и предшественники юного стихотворца, давшие первый толчок его вдохновению. В 1830-е годы Александр Сергеевич пересмотрел свое однозначно негативное отношение к славянофильскому направлению «шишковистов». Зрелому поэту уже не чужды были идеи национальной самобытности, опоры на российскую литературную традицию. То есть творчество тех литераторов, которых начинающий арзамасец «хоронил» в юности, сейчас представляются ему необходимым и неизбежным этапом общероссийского литературного процесса. Не зря он в разбираемом нами произведении (конечно, в шутливой форме) утверждает, что его ближайшие друзья — мертвецы. В частных беседах с приятелями он, кстати, говорил то же самое и кивал при этом на корешки книг в своей библиотеки.

Не случайно после роковой дуэли, перед своей близкой кончиной на вопрос доктора Даля «Не хочешь ли проститься с друзьями?» приподнялся и произнес «Прощайте, друзья!», обратив лицо к стеллажам с книгами. До самого конца он оставался предан своим «мертвецам». И переселение, как сказано в повести «Гробовщик», в «новый желтый дом» прозы было для него шагом обдуманым и, как мы знаем, продуктивным. Опомнившийся от ночного кошмара гробовщик произносит «Зови дочерей да ставь самовар»... И дочери не замедлили явиться. Живые, из плоти и крови, появившиеся после женитьбы на Наталье Николаевне. И литературные — «Капитанская дочка». Но последнее — это уж просто так, совпадение, не более.

Я до сих пор с величайшим удовольствием перечитываю хрестоматийную «Капитанскую дочку» и считаю ее вершиной пушкинской прозы. Повесть насквозь пронизана духом Державина, отмечена его незримым присутствием. Подобно Петруше Гриневу Гаврила Романович ведь и сам принимал живейшее участие в тех памятных событиях, так же влюблялся, так же проигрывал в карты небогатые родительские суммы, собранные ему в дорогу. Но юный Гринев никогда бы не смог бы отдать приказ о казни восставших крестьян, как то случалось у реального поручика Державина. Словом, те записи, что делал Пушкин о Пугачевщине, переплавились в совершенно иное качество, но все же главное — дух державинских нра-

вов, державинского века остался и засветился сдержанно-красочной образностью этой родниково-чистой прозы. Лучше всего, на мой взгляд, охарактеризовал пушкинскую прозу Михаил Зощенко: занимательность, краткость и четкость изложения, предельная изящность формы, ирония.

Поэтому нам не так уж и важно, что державинские оды сейчас звучат не столь торжественно, как 230 лет назад. Не в одних этих одах величие и заслуга первого нашего губернатора. Без него, может быть, миру явился бы не совсем тот Пушкин, которого мы сейчас так долго и шумно чествуем, и не прозвучали бы со временем замечательные строки нашего современника, вдохновленного державинским «Снегирем»:

Бей, барабан, и военная флейта
Громко свисти на манер снегиря!

Мемуары о Пушкине и Петрозаводск начала XIX в.

Мемуары о самом раннем, детском периоде жизни Пушкина принадлежат человеку, мало известному в литературных кругах. Его имя Александр Боде. Вообще о долинейских годах жизни будущего поэта известно до обидного мало. Может быть, объясняется это тем, что у «стариков» Пушкиных существовали довольно напряженные отношения с их старшим сыном Александром, которого они долго считали неудачником, да еще и на плохом счету у государя. Только за год до своей смерти мать поэта, всю жизнь боготворившая одного лишь младшего сына Левушку, вдруг осознала, насколько близок и дорог ей старший сын, как бескорыстно он заботится о всей семье, как глубоко ее любит. К сожалению, это прозрение посетило ее слишком поздно и не оставило каких-либо следов в мемуаристике. Не оставил сколько-нибудь стоящих воспоминаний о сыне и сам Сергей Львович, хотя пережил Александра на целых 11 лет.

Тем более стоит сохранить и привести на этих страницах любые, даже не претендующие на изысканный слог и тонкие наблюдения



Барон Карл-Август Бодэ



Баронесса Мария Бодэ

вполне житейские, чисто дневниковые заметки. Они передают впечатления молодого человека, 20-летнего полубразованного европейца, род которого ведется от дочери стаффордширского баронета и сына эльзасского помещика, состоявшего на французской службе. Между прочим, в эльзасском Сульце, где располагалось родовое поместье Бодэ, прошли последние годы родной сестры Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной и ее мужа Ж. Дантеса. Как известно, Екатерина Николаевна и Дантес после роковой дуэли навсегда покинула Россию, обосновавшись в Эльзасе.

Якобинцы, конфисковавшие во время французской революции имение баронов Бодэ, заставили несчастную семью пуститься в авантюрное путешествие по просторам таинственной страны России. Отец семейства Карл (он скончался в 1797 г.) и его жена Мэри Бодэ отправилась прямо ко двору престарелой императрицы Екатерины II, прослышав, что та недавно отвоевала для России Тавриду и «мечтает заселить ее путными людьми». Энергичная и предприимчивая баронесса, конечно, не собиралась возделывать крымские поля мотыгой, а рассчитывала получить там приличное имение и хотя бы несколько сотен крепостных. Она привезла

в Петербург четырех сыновей и трех дочерей и, надо сказать, блестяще сумев воспользоваться ситуацией, получила просимое. Сыновей она пристроила на военную и гражданскую службу, а дочерей выдала замуж за отпрысков аристократических фамилий.

Правда, скоро ее третий сын Карл (в православии — Александр) оставил службу в русской кавалерии и занялся коммерцией: стал возить из Крыма в Москву устрицы, а на юг — английское сукно. Во время своих купеческих вояжей он и познакомился в Москве с отставным майором Сергеем Львовичем Пушкиным. Тот питал явную слабость к французской культуре, а молодой барон номинально был все же представителем гордой галльской нации.

В доме Пушкиных была великолепная библиотека французских авторов, и братья Сергей и Василий Львовичи считали себя знатоками и тонкими ценителями поэзии. На этом книжном богатстве, кстати, воспитывался и малолетний Саша Пушкин. Двадцатилетний барон Бодэ тоже не чуждался изящной словесности и уже достиг некоторых успехов в искусстве версификации на родном, а потом и на едва освоенном труднейшем русском языке. Сблизиться с семьей Пушкиных ему казалось удачей, в первую очередь, по чисто житейским причинам. Дела с доставкой из Феодосии нежного живого товара — устриц — приносили мало дохода, и денег на хорошую гостиницу у Бодэ не было. Словом, приглашение остановиться в московском флигеле Пушкиных для барона было как нельзя кстати. В мемуарах он пояснил потомкам, что «по московскому обычаю считалось за стыд позволить знакомому холостяку нанимать квартиру...»

Так вынужденный эмигрант стал, можно сказать, членом семьи Пушкиных именно в то время, когда будущему поэту едва исполнилось два года. Экономный, скуповатый Сергей Львович втайне, наверное, помышлял о некоторых гувернерских функциях молодого человека — был ведь у них потом в этой должности настоящий французский граф. Но понятно, прямых предложений на эту тему не последовало...

Вообще-то, на мой взгляд, пушкиноведы еще плохо представляют себе фигуру этого человека и его роль в жизни семейства Пушкиных в 1801—1811 и последующих годах. Например, в 1930-е годы не

были известны даже приблизительные годы жизни и смерти Боде. В современном справочнике Л. Черейского, очерчивающем широкий круг людей, имевших хотя бы косвенное отношение к жизни поэта, содержатся искаженные сведения о Боде. Самое главное, что барон там стал гораздо моложе, на целых 10 лет. Отсюда, видимо, и недоверие к сведениям, сообщенным в мемуарах барона. Конечно, как можно серьезно говорить о записках 10-летнего мальчика? Но барон родился не в 1790, а в 1780 г. и в доме Пушкиных, таким образом, жил не мальчик, а вполне взрослый молодой человек.

Выяснить точную дату рождения Александра Боде помогли документы из Национального архива РК (об этом речь пойдет позже). Остальные сведения о нем в справочнике указаны верно: он действительно был известен современникам как автор дилетантских брошюр по сельскому хозяйству, а также стихов для домашнего употребления. Т. е. Александр Боде был обыкновенным графоманом, коих во все времена было и есть великое множество. С легкостью, присущей «истинному французу», он писал мадригалы, оды, спичи и даже глубокомысленные философские стихи, звучание которых нам почему-то более всего напоминает мелодии лиры незабвенного Козьмы Пруткина. Вот, например, типичнейшее стихотворение Боде периода его наивысшего творческого расцвета:

Кого уж нет!

В час тихий, в час уединенья,
Когда один с собою я,
И погруженный в размышленья,
Я вспоминаю прошлое, друзья;
Как многих здесь из вас не стало,
Родных, друзей, — кого уж нет!
Безжалостное смерти жало
Их преселило в лучший свет!...

Буквально каждая строчка здесь не выдерживает критики. Надеюсь, как автор сельскохозяйственных рекомендаций он был менее косноязычен, т. е. брошюры по виноградарству ему более удавались. Но несмотря ни на что, одно из сочинений доморощенного пиита неожиданно пригодились самому Пушкину. Уже во второй половине XX в. кому-то из литературоведов повезло: при разборке пуш-

кинских бумаг на обороте некоего мадригала, подписанного именем А. Боде и датированным 1834 г., обнаружились пушкинские хозяйственные расчеты. Таким образом можно сделать вывод о том, что Боде поддерживал отношения с родителями поэта и спустя длительное время после своего проживания в их московском доме.

То, что Пушкин использовал поэтический мадригал для такого прозаического дела, говорит само за себя. Необходимость сделать на скорую руку какой-то денежный расчет заставила его взять первый подвернувшийся под руку лист бумаги, увидеть там некие вирши и мгновенно понять, что какого-либо места на небосклоне поэзии им, увы, занять не суждено.

Что ж, сколько-нибудь стоящим поэтом Александр Боде не стал. Зато у этого автора остались (к сожалению, только в рукописном виде) мемуары о детских годах Пушкина, уникальные свидетельства современника о первых самостоятельных шагах маленького человека, пока еще никак не проявившего свой огромный талант. Поэтому надо учесть дистанцию, отделявшую Боде-квартиранта от Боде-мемуариста и снисходительно отнестись к его смелым умозаключениям о первых проблесках гения Пушкина-стихотворца. Примечателен в этом смысле небольшой отрывок из мемуаров Боде, опубликованный литературоведом А. Модзалевским в журнале «Юный пионер» № 19—20 за 1936 г.:

«... У Пушкиных было тогда двое детей, сын Александр и дочь Ольга; другой же их сын родился при мне (речь идет о Николеньке, умершем в раннем возрасте, — Н. К.); бывало иногда, что Александр долго не засыпал, когда его вечером уложат спать; наконец спрашивают его: «Что ты, Саша, не спишь?» — на что он обыкновенно отвечал «Сочиняю стихи»; тут ему погрозят розгами, чтобы его заставить оставить стихи и приняться за сон: вот как еще с самого детства поэтический гений в нем развивался...

У Пушкиных была большая датская собака, очень смирное животное, которое дети, по обыкновению, часто тербелили; раз эта собака потеряла терпение и укусила Олинку у самого глаза; все перепугались, собаку тотчас убили, предполагая, что она взбесилась, и послали за доктором Рихтером, которого не было дома; тут я принялся ее лечить,

и когда к вечеру доктор приехал и ему рассказали, как я ее лечу, то он одобрил мое лечение и не велел его переменить».

Мы не располагаем, к величайшему сожалению, портретом Александра Боде, но фигура его представляется достаточно колоритной. Иностранец, волею судьбы избравший Россию своим домом, чудаковатый автор застольных виршей — все это как-то уж очень узнаваемо, много раз бывшее на слуху. Может быть, это незабвенный мосье

Трике из «Евгения Онегина»? Тем более и фамилия эта вполне созвучна герою нашего повествования (А. Пушкин, скорее всего, производил ее от французского *trique*, что означает «битый палкой», то есть, человек, не принадлежащий к кругу порядочных людей):

... Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и рыжем парике...

Может быть, под пером Пушкина хотя бы раз возник графический образ Трике? Виноват, не Трике, конечно, а мсье Боде. Не так уж много в пушкинских тетрадах изображений людей в очках! Если Александр Боде был таким же круглолицым, как и его отец, то подходящий портрет среди пушкинских графических портретов отыскать можно. Его, правда, некоторые атрибутировали как возможный портрет Булгарина. Но Булгарин, насколько можно судить по современным рисункам, очки не носил, поэтому профиль господина в очках на полноватом лице и с чересчур густой шевелюрой (парик?) вполне можно связать и с Боде.

Ну хорошо, скажет читатель. Может быть, и на самом деле Боде имеет какое-то отношение к образу Трике. Кстати, он действительно некоторое время гостил в Тамбовской губернии (там было имение одной из его сестер, дочери Боде-старшего), и даже портреты главных членов этого семейства до сих пор хранятся в Тамбовском областном краеведческом музее. Но какая же связь фигуры Александра Карловича с Олонецкой губернией? Связь самая прямая.



*Александр Боде.
Предполагаемый портрет
Рисунок А. С. Пушкина*

«Живу в Петрозаводске, что на озере Онего»

Баронесса Боде была из породы тех людей, которые вопреки любому потиводействию до конца используют все возможные шансы. С четырьмя сыновьями и тремя дочерьми она через Англию и Швецию прибыла к Екатерине II в надежде получить щедрое вознаграждение за честь принять в своей варварской стране просвещенных и воспитанных европейцев.

Искателей русской Фортуны в те времена было великое множество, но везло в этом предприятии далеко не всем. К баронессе судьба в лице русской императрицы была весьма благосклонна. От Екатерины II Боде получила в дар имение в Крыму, а от Павла — в Ропше. Сыновей она, молниеносно завязав полезные знакомства в высшем обществе, определила в лучшие полки и кадетские корпуса. Правда, старший, Клемент, поразмыслив, оставил малодоходную армейскую службу и стал предпринимателем. Вторым, Генрих (при крещении в православие — Андрей), неплохо рисовал и этим обеспечил себе блестящую карьеру, начатую в Петрозаводске на военном Александровском заводе. Третий наш главный герой, Александр Боде, тоже предпочел военной карьере коммерческую. И случилось это как раз в то время, когда на пути баронессы Боде, англичанки по рождению, встретился ее соотечественник — британец Чарльз Гаскойн, начальник Олонецких горных заводов.

С этого момента она, надо полагать, сразу же вспомнила свое происхождение и без труда добилась от щедрого богача приглашения погостить в его основной резиденции, находящейся в маленьком городке Петрозаводске. К нему она и нагрянула в начале зимы 1802 г. в ныне сохранившийся петрозаводский дом (современный адрес Энгельса, 5). И приехала не одна, а с дочерьми и средним сыном. Кстати, она при этом навестила и сына Андрея, который уже 2 года служил под началом мистера Гаскойна на его заводе. С 19 марта 1800 г. он числился «при составлении планов», т. е. попросту говоря, служил заводским чертежником. Должность эта была по тем временам вполне солидной и хорошо оплачиваемой — жалованье чертежника составляло 500 рублей в год, а чин соответствовал

офицерскому — шихтмейстер 13 класса. Это было лишь началом карьеры. Удалось проследить и дальнейшую судьбу Андрея Боде: в 1820 г. он числился уже подполковником главного управления путей сообщения, был специалистом по инженерному устройству торговых портов. По свидетельству современников, он дослужился со временем до генерала; выйдя в отставку, попытался отсудить родовое имение в Сульце (Эльзас), разорился на процессах и умер в бедности на содержании английских родственников матери.

Так вот, зимой 1802—1803 гг. Андрей Боде жил в Петрозаводске и имел возможность частенько встречаться с матерью и сестрами, гостившими у Гаскойна. Его брат Александр не задержался в Петрозаводске. Надежды, которые семья Боде возлагала на начальника заводов, не вполне оправдались. Гаскойн по каким-то причинам заупрямился и не захотел «двинуть барона Александра Боде по коммерческой части», поскольку у него вообще-то имелись свои торговые агенты в обеих российских столицах.

По этой причине Александр Карлович снова отправился в Москву к хлебосольным Пушкиным и занялся привычным устричным бизнесом. Нет худа без добра. Если бы барон стал торговать чугунным литьем Александровского завода, он, может быть, и не оставил бы своих воспоминаний о первых творческих успехах маленького Пушкина. Кроме того, Боде, долго оставаясь своим человеком для его родителей, со временем смог отметить и некоторые стороны биографии поэта, связанные с его пребыванием в Одессе, у заместника Воронцова. Вернее, имеется в виду, скорее всего, период увлечения поэта Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой. Правда, ни о каком «покровительстве» поэту со стороны Воронцова нам не известно. Скорее, наоборот... Вот такие сведения А. Боде считал заслуживающими внимания потомков:

«Граф Воронцов очень любезен, но по упорномстительному его нраву не дай Бог попадаться ему в когти, тогда он на кого думает, имеет право быть в претензии, хотя бы то было и без всякого основания...»

Графиня Воронцова — женщина светская, очень любезная и любит заигрывать любовниками, на что ее муж вовсе не в претензии; напротив, он покровительствует им, потому что это доставляет ему свободу за-

няться беспрепятственно любовницами... »

Как видим, угол зрения Боде, представленный журналом «Красный архив» за 1920 г., довольно своеобразный...

В заключение следует сказать, что петрозаводский период жизни семейства Боде завершился весной 1803 г. Это отсюда баронесса писала своей английской родне: «... живу в Петрозаводске, что на озере Онего». Через некоторое время после отъезда матери и сестер в Петербург перебрался и Андрей. Надо полагать, с прекрасным аттестатом от Гаскойна.



Барон Лев Карлович Боде.
Известный художник
с оригинала 1840-х гг.

Из всех братьев Боде наивысшую карьеру сделал младший, Лев. Он участвовал в Отечественной войне 1812 г., заслужил Георгия. А потом поступил на придворную службу, получил чин гофмаршала, стал кавалером орденов Александра Невского и Владимира I степени. В начале 1840-х гг. братья получили титулы российских баронов.

Александр Боде не делал попыток покинуть Россию. Он умер глубоким стариком в своем крымском имении возле Судака в 1861 г. Его воспоминания о годах жизни в Москве и о семействе Пушкиных до сих пор не изданы. Может быть, эта публикация хоть в какой-то мере восполнит упущение отечественных и зарубежных литературоведов.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

ФОНД 593. Петрозаводский кафедральный собор Олонецкой духовной консистории, г. Петрозаводск Петрозаводского уезда Олонецкой губернии

1. 1791—1816 гг. — Метрические книги Петрозаводского кафедрального собора.

ФОНД 37. Александровский пушечный завод

2. 1786—1819 гг. — Послужные списки горных офицеров и чиновников Александровского завода.

Опубликованные источники

СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

3. Русский биографический словарь / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. — СПб.; М., 1896—1918.
4. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение : Справоч. изд. — Л.: Наука, 1988. — 544 с.
5. Сочинения Пушкина. СПб. : Изд. Имп. Акад. наук, 1900 (I); 1905 (II); 1912 (III); 1916 (IV); 1914 (XI).
6. Сочинения А. С. Пушкина: В 7 т. Изд. П. В. Анненков. СПб., 1855—1857.

7. Сочинения А. С. Пушкина: В 7 т. Под ред. О. Морозова. СПб., 1887.
8. **Пушкин.** Под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз и Эфрон. В 6 т. СПб., 1907—1915.
9. Сочинения Пушкина: В 3 т. Переписка / Под ред. и с прим. В. И. Саитова. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук. , 1906—1911. (Примечаний нет.)
10. **Пушкин.** Письма / Под ред. и с прим. Б. А. Модзалевского // Труды Пушкинского Дома Академии наук. Т. 1—2. М.; Л., 1926-1928.
11. Письма Пушкина к Е. М. Хитрово // Труды Пушкинского Дома. Л., 1927.
12. Дневник Пушкина (1833 — 1835) / Ред. и прим. Б. А. Модзалевского. . М.; Пг. Госиздат., 1923.
13. Адрес-календарь 1847-49 г.
14. Адрес-календарь 1863-64 г.
15. Месяцеслов 1820 г.
16. **Анненков П. В.** А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки его произведений. СПб.: Общественная польза, 1873.
17. **Барсуков А.** О Ганнибалах // Русский Архив. 1891.
18. **Бартенев П. И.** Род и детство Пушкина // Отечественные записки. 1853. Т. 91.
19. **Бартенев П. И.** Материалы для биографии Пушкина // Московские ведомости. 1855.
20. **Бартенев П. И.** Пушкин // Московские ведомости. 1854 и 1855.
21. **Бартенев П. И.** Из рассказов кн. П. А. и княгини В. Ф. Вяземских (Записано в разное время, с позволения обоих.) // «Русский архив». 1888. № 7.
22. **Бартенев П. И.** К биографии Пушкина. СПб., 1888.
23. **Бартенев П. И.** Пушкин в южной России. М., 1914.
24. **Бартенев П. И.** Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей / Под ред. М. Цявловского. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.
25. **Бартенев П. И.** XIX век. М., 1872. Т. 1.
26. **Вересаев В. В.** Пушкин в жизни. М.: Недра, 1926—1927. Вып. 1—4.
27. **Вигель Ф. Ф.** Записки. М.: Изд. Захаров, 2000.
28. **Вяземский П. П.** Пушкин по документам Остафьевского Архива // Русский Архив. 1884. Т. 2.
29. **Вяземский П. П.** Записные книжки // Русские мемуары 1800—1825. М., 1989
30. **Гаевский В. П.** О Дельвиге // Современник. 1853. Т. 37 и 39;
31. 1854. Т. 43 и 47.
32. **Гаевский В. П.** Празднование лицейской годовщины. — Отечественные записки. 1861. Т. 139.
33. **Гаевский В. П.** Пушкин в Лицее // Современник. 1863. № 7.
34. **Гиллельсон М. И.** Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.
35. **Гиллельсон М. И.** От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

36. *Глинка Ф.* Сочинения. СПб., 1869.
37. *Гордеев Н., Пешков В.* Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, 1978
38. *Горчаков В. П.* Воспоминания о Пушкине. СПб., 1858
39. *Грот К. Я.* Царскосельский Лицей // Бумаги 1-го курса, собранные Я. Гротом. СПб., 1911.
40. *Грот Я. К.* Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук., 1866.
41. *Грот Я. К.* Переписка с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1—3.
42. *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899.
43. *Грот Я. К.* Хронологическая канва для биографии Пушкина // Очерки из истории русской литературы. СПб., 1901
44. *Дельвиг А. А.* Сочинения. СПб., 1895.
45. *Денисенко С. В., Фомичев С. А.* Пушкин рисует. Графика Пушкина. СПб., 2001
46. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978.
47. *Жихарев С. П.* Записки // Русский Архив. 1890—1891.
48. *Жуковский В. А.* Сочинения // Под ред. проф. А. С. Архангельского. В 3 т. СПб., 1906.
49. *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб, 1996
50. *Капнист П.* О высылке Пушкина из Одессы // Русская Старина. 1899.
51. *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву.
52. *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862.
53. *Кеневич В.* Примечания к басням Крылова. СПб., 1868.
54. *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: «Правда», 1989
55. *Керцелли Л.* Мир Пушкина в его рисунках. М.; Л., 1988
56. *Корф М. А.* Восшествие на престол Николая I. СПб., 1857.
57. *Лажечников И. И.* Знакомство мое с Пушкиным // Русский Вестник. 1856.
58. *Лакшин В.* «Спутник странный» // Октябрь. 1979. № 6.
59. *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний. — Русский Архив. 1866.
60. *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб, 2000.
61. *Майков Л.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
62. *Майков Л.* Материалы для академического издания сочинений Пушкина. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук., 1902.
63. *Мациевич.* Кишиневские предания о Пушкине // Исторический вестник. 1833.
64. *Модзалевский Б. А.* Пушкин под тайным надзором // Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. 1925.

65. **Модзалевский А. Б.** Известные рассказы о детстве Пушкина («История моей жизни» А. К. Боде) // Юный пролетарий. 1936. № 19—20. С. 8.
66. **Набоков В.** Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Искусство-СПб, Набоковский фонд, 1998.
67. **Павлицев А.** Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890.
68. **Плетнев П. А.** О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853.
69. **Плетнев П. А.** Сочинения и переписка / По поручению II отд. Имп. Акад. наук издал Я. К. Грот. СПб., 1885.
70. **Поливанов А.** Демон Пушкина // Русский Вестник. СПб., 1886.
71. **Пушкин А. С.** Рабочие тетради. В 8 т. // Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / Санкт-Петербург ; Лондон, 1995—1997.
72. **Пушкин В. А.** Стихотворения. М., 1822.
73. **Пушкин В. А.** Опасный сосед. Лейпциг, 1855.
74. **Россет А. О.** Рассказы о Пушкине. — Русский Архив. 1882.
75. **Сабанеева Е. А.** Воспоминания о былом. СПб., 1914.
76. **Семевский М. И.** Рассказы о Тригорском. СПб.: Ведомости, 1866. С. 139—168.
77. **Смирнова-Россет А. О.** Записки. СПб., 1895.
78. **Соболевский С. А.** Таинственные приметы в жизни Пушкина // Русский Архив. 1870.
79. **Соболевский С. А.** Библиографическая судьба Пушкина // Вестник Европы. 1871.
80. Собрание А. Ф. Онегина // Неизданный Пушкин. Труды Пушкинского Дома. М.; Пг., 1923.
81. **Тархов А.** Почему – «Евгений Онегин»? // В мире книг. 1979. № 6.
82. **Толстой С. А.** Федор Толстой Американец. М.: Гос. Акад. худож. наук., 1826.
83. **Томашевский Б. В.** Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.
84. **Тыркова-Вильямс А. В.** Жизнь Пушкина: В 2 т. М.: Мол. гвардия, 1999.
85. **Фейнберг И.** Читая тетради Пушкина. М.: Советский писатель, 1985.
86. **Фомичев С. А.** Графика Пушкина. СПб., 1993
87. **Фон Штейн В. И.** Баронесса Боде и ее переписка с английской родней // Исторический вестник. СПб., 1909. №7
88. **Цяловский М.** Письма Пушкина и к Пушкину. М.: Гос. Акад. худож. наук., 1925.
89. **Цяловская Т. Г.** Рисунки Пушкина. М., 1980
90. **Эфрос А.** Пушкин – портретист. М., 1946

Научное электронное издание

Кутьков Николай Петрович

**ОНЕГИН с берегов ОНЕГО-ОЗЕРА:
литературно-краеведческое
исследование**

Редактор А. Б. Соболева
Художественный редактор О. В. Черняков
*Компьютерная верстка,
оригинал-макет,
электронная версия
и оформление обложки диска* О. В. Черняков

Систем. требования: PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше; Windows, MAC OSX; 256 Мб; Видеосистема: разрешение экрана 800 x 600 и выше; графический ускоритель (опционально); мышь или аналогичное устройство.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<http://www.petrso.ru>

Тел. (8142) 711 001

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ

185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<http://press.petrso.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html>

Тел. / факс. (8142) 781 540

nvpahomova@yandex.ru

ISBN: 978-5-8021-2096-5



9 785802 120965